ФАЗУ
АЛИЕВА

ГЛАЗА ДОБРА

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

ФАЗУ
АЛИЕВА

ГЛАЗА ДОБРА

СТИХИ И ПОЭМА

Перевод с аварского
Вл. Туркина и С. Северцева

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

84 Дат
А50

А 4702000000—003
078(02)—83 178—83

© Издательство «Молодая гвардия», 1983 г. Перевод с аварского

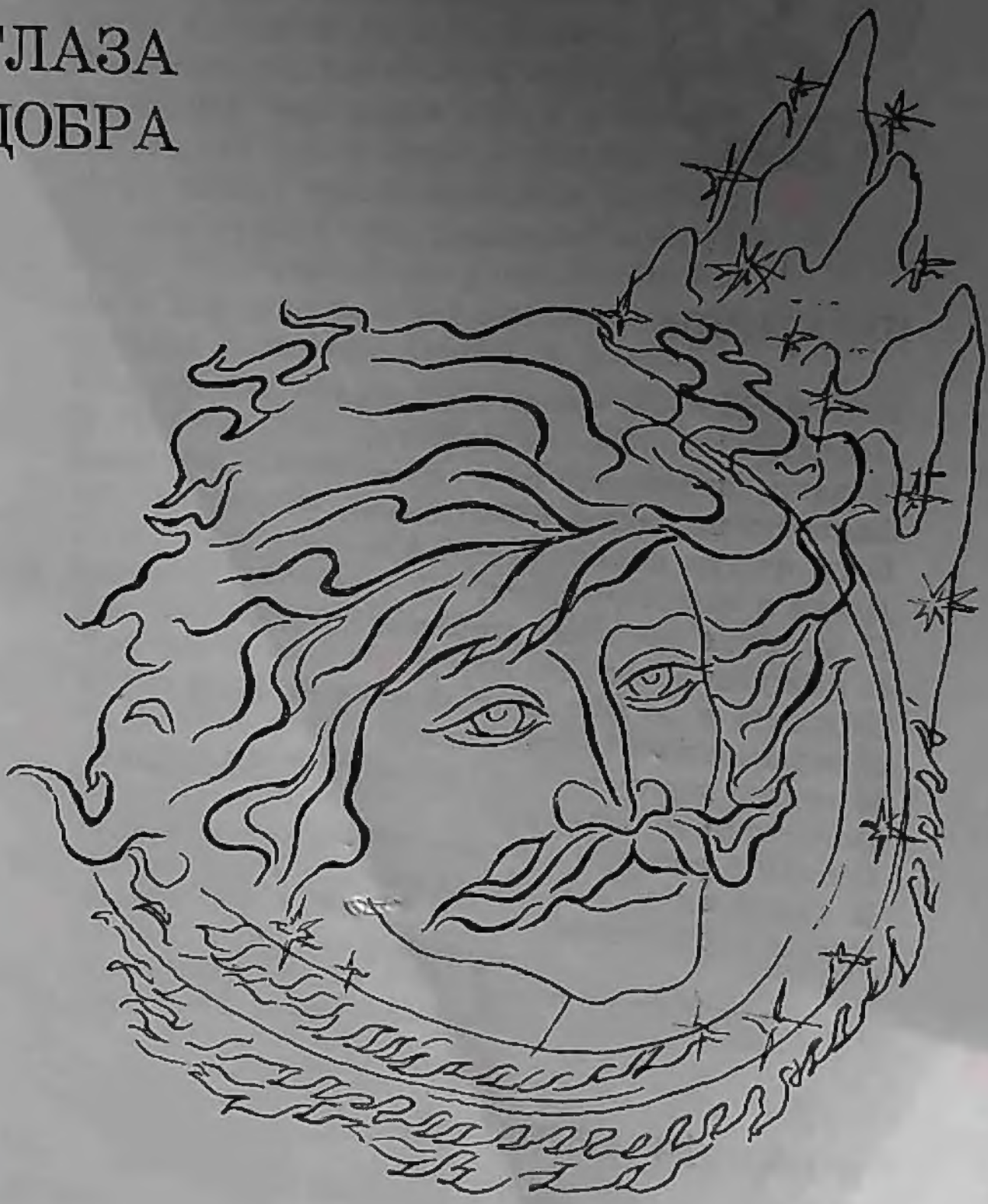
ТАК ЖИВУ

Я живу,
Если в сердце свое принимаю —
Словно радость и боль, принимаю в себя
И улыбчивый март,
И цветение мая,
И багрец отцветающего сентября,
Если раковиной приоткрытого сердца
Я ловлю отголоски
Далеких морей
И глубинный,
Волнующий с самого детства
Материнский голос земли моей.
Я живу,
Если к заиндевелой березе
Прислонюсь хоть на несколько тихих минут
И внезапно услышу
На лютом морозе,
Как в березе весенние соки поют;
Поднимаясь по склону
Сквозь вьюгу и ветер,
Чей-то след различу на тропинке крутой
И внезапно пойму:
Это здесь на рассвете
Мой джигит, мой любимый шагал домой!
Я живу,
Если, глядя в начале апреля
На лоскутик оттаявшей робкой земли,
Вижу вновь,
Как предгория зазеленели,
Как ромашки из сердца земного взошли,
А в степи,
Ожидающей будущих пахот,
Вижу я не снежинок танцующий рой —
Вижу звонкие зерна,

Что весело пахнут
Жаром углей и корочкою золотой...
Я живу,
Если слышу простор мой любимый —
Всю родную страну — от зари до зари,
Если в сердце
Гудят поезда, и турбины,
И заводы — бессонные богатыри,
Если правда рождает во мне вдохновенье
И презренье к слепому от злобы врагу,
Если путь
озаряет мне
ленинский гений!..
Так живу.
По-другому и жить не могу.

1.

ГЛАЗА ДОБРА



НЕГАСИМОЕ

Есть негасимое что-то в изломе
Погасшей мгновенно молнии,
Незаглушимое что-то в громе,
Заглохшем вдали, в безмолвии.
Есть что-то незабываемо чистое
Даже в забытом снеге,
И чудятся прежние стебли и листья
В каждом весеннем побеге.
Так есть и во мне, в душе моей горской,
Искры костра бессмертного,
В землю вернусь — стану жгучей горсткой
Богатства ее несметного.
О если б собрать все свои частицы
В какой-нибудь будущей эре —
Снова бы взвиться
гордой жар-птицей,
Роняя лучистые перья.

В РОДНОМ АУЛЕ

Летели дни — цветы с весенней вишни:
Одни слетали мертвенно, неслышно,

Другие, с холодом и ветром справясь,
За ветвь держались, превращались в завязь.
Пила я радость солнца, обжигаясь,
Пила и горечь яда, ошибаясь,
Но в памяти хранилась нерушимой
Тропинка, что ведет в аул родимый.
Не год, не два в моем скитанье долгом
Меня томил он неоплатным долгом,
Но вот судьба мне даровала милость —
Сюда хоть погостить я возвратилась.
Не я вернулась, а ко мне вернулись
Изгибы узеньких аульских улиц,
Над пропастью — уступы плоских кровель,
И брызги слез, и звон счастливой крови.
Конечно, больше нет границы древней,
Что разделяет город и деревню,
И все ж у стен родимого аула
Границу детства я перешагнула.
Вот возвещает дым над старой саклей,
Что в ней любовь и счастье не иссякли,
А вот повеял милый запах детства —
Чудесный запах молока и теста.
Вот руки протянули мне соседи,
И знаю: нет мудрее рук на свете,
И вижу: с пальца каждого стекая,
Добро сияет — струйка голубая.
Добро, что в жизни столько сил дало мне,
Добро, что в сердце билось: «Помни, помни —
Тропинку помни в свой аул родимый,
Там твой исток — исток неистощимый...»

И ВНОВЬ ЗАРЯ

И вновь заря... И чудится: впервые
Гляжу, как блещут гребни снеговые,
А с неба на альпийские откосы,
Блестя, спадают утренние росы.
Любила с детства я росой умыться,
Как из чудесной сказочной криницы, —
Чисты, как льдинки, смоют все морщинки
И словно пахнут вечностью росинки!
Меж тем заря раскрылась и окрепла,
Как Феникс, возродившийся из пепла,
И цепи гор — их ледяные звенья —
Блеск озарил цветного оперенья.
И я дивлюсь, как мир устроен мудро:
Из пепла ночи воскресает утро,
А росы пахнут вечностью, не зная,
Что искорки быстрее жизнь земная.

СРЕДИ НАДГРОБИЙ

Среди надгробий горских вековых,
Гранитных, тусклых, тяжко молчаливых
Брожу, читаю надписи на них,
Полна раздумий горьких и тоскливых.
Вдруг на замшелом камне гробовом,
Под надписью, дождями полустертой,
Знак плуга вижу я с тугим снопом,
Вчеканенный рукою чьей-то твердой.
Знать, кто почил под этою плитой,
Был славным пахарем у нас в ауле...
И сразу слышу пашни дух сырой,
С гор ветерки весенние подули.
Вон рослый горец молодой идет —

На плуг всем телом смуглым налегает,
Босой идет по рыхлым комьям вброд,
В земле святую рану пролагает.
А я, девчурка смуглая, за ним
Бегу, косички на ветру взметая,
Мне вторит гром под облаком седым
И ласточек пронзительная стая,
И чую нашей печки добрый дым,
И слаще меда корка золотая!

ЖДУ, СЛОВНО ЧУДА...

Я жду, словно чуда, чтоб встретился мне
Попутчик в горах на седой крутизне,
Но только не маг, не пророк, не мудрец,
А горец простой — как покойный отец.
Пусть будет такой его добрая речь,
Чтоб каждое слово хотелось сберечь,
Чтоб скучного, книжного не было в ней,
Чтоб мысли текли, как алмазный ручей.
Чтоб долго мы шли на крутой перевал,
Чтоб мне говорил он, а сам бы не знал,
Какие богатства помог мне найти,
Пока мы беседу вели по пути.
Чтоб веские фразы, что он говорил,
Сверкали, как россыпь лучистых светил,
Рождали в душе светозарный прилив,
Все истины мира до дна озарив!..
Тогда, возвратившись, я целый бы год
Писала и ночи и дни напролет:
Сложила бы лучшие строки свои —
О счастье, добре, бескорыстье, любви.

ЛЮДЯМ

Эти искры вашего тепла,
Добрых слов алмазные кристаллы
В сумку сердца долго я сбирала
И теперь вам песней отдала.
Немудрящ очаг старинный наш,
Закопчен, пропах кизячным дымом,
Мягок, свеж стихов моих лаваш.
Но, спеченный в очаге родимом,
Люди мира! Как верну́ сторицею
Всю казну, что мне вы [illegible]очили?..
Да, всю жизнь — в вопросах и печали —
Перед вами буду жить в долгу!

Я

Шершавые руки, ладонь к ладони,
пахарь сложил неспешно
И между бугристых, твердых мозолей
колос растер поспевший.
Подул обветренными губами —
и сразу легко, покорно
Прочь полетела сухая мякина,
остались литые зерна.
И если суровая наша эпоха
в ладони свои великаньи
Вот так же возьмет мое сердце поэта,
биенье его и сверканье,
Сожмет и подует, чтоб разлетелось
все, что случайно, вздорно,
Заранее знаю: должны остаться
лучшие, добрые зерна.

Любовь! Любовь к рукам материнским,
к горам и тропинкам детства,
К тебе, любимый, к тебе, Отчизна, —
вот спелые зерна сердца.
Пусть время посеет их в поле жизни,
и морем колосьев звонких,
Сторицей любовь моя повторится —
в стихах, сыновьях, потомках.

НА ЗАКАТЕ

Солнце вижу вдали, за густыми соснами,
В хвойных ветках лучи блестят заходящие,
Будто шаль золотая с узорами пестрыми
Зацепилась кисточками [illegible] лящими.
Я за лучик хватаюсь — он золотом мажется,
Не удержишь — меркнет, дрожит, кончается...
Почему драгоценней нам солнце кажется
Не когда восходит — когда прощается?

* * *

Я против матриархата,
за крепкую власть мужчины,
За чувств его половодье,
сломавшее все плотины.
Я против матриархата,
за грозную страсть мужскую,
Без власти его объятий
всегда я томлюсь-тоскую.
Я против матриархата,
я требую от мужчины,

Чтоб стал и беды, и счастья,
и песен моих причиной.
Но с виду алмаз я твердый,
алмаз ледяной, дразнящий, —
Расплавь его, если вправду
мужчина ты настоящий!

ОЧИЩЕНИЕ

Я медом радости и доброты светилась,
Но ложка дегтя в нем невидимо таилась —
Комочек зависти... Ее стыдилась я,
И лишь перед тобой до дна открылась я.
Да, мой изъян души был недоступен глазу,
Но ты, возлюбленный, его заметил сразу,
И доброта твоя так солнечна была,
Что растворился в ней, исчез комочек зла.
Теперь перед тобой стою, светясь и тая,
Прозрачна, как слеза, как влага золотая,
Любимый, пей меня, пей сладко, день за днем,
Чист мед моей души, ни капли черной в нем!

ТЫ — МОЙ УТЕС

Я — водопад, безумная река:
Зажмурясь, я в провал бросаюсь гибельный,
А ты — утес, и грудь твоя крепка,
Вздымаешься, холодный и незыблемый.
Но может самый сумрачный утес
Преобразить бурливая разбойница —
В сверканье брызг, взволнованный до слез,
Он будто факелом живым становится.

Вот так и мы: в твои объятья вдруг
Я падаю, без памяти влюбленная,
Тебе на плечи кину струи рук,
Целую и смеюсь как исступленная.
Пусть в водопаде рук моих и губ,
Под вспышками их жадными и быстрыми
Ты, что казался холоден и груб,
Весь заблестишь восторженными искрами.

РАСПУТАЙ СТРУНЫ...

Оглушена делами, спешкой, гомоном,
Себе порой кажусь роялем сломанным,
Но струны в недрах мрака фортепьянного,
Я знаю, песнь начать готовы заново.
Зубастые мои не трогай клавиши —
Лишь понапрасну пальцы окровавишь ты,
Попробуй стать настройщиком души моей,
Распутай струны — ржавые, фальшивые.
Их много — острых, к ласкам не приученных,
Причудливо, немилосердно скрученных,
Неловко тронешь их руками голыми —
Ударят током, беспощадным полымем...
Но если ты с искусством артистическим
Проникнешь к струнам трепетным, девическим,
Сам поразишься дивному созвучию,
Сам погрузишься в радугу певучую.

ТЫ ДОЛГО ЖЕНЩИНУ ЖДАЛ...

Ты долго женщину ждал, и вот
Она наконец-то идет, мужчина,
К тебе, надеждой светясь, идет
Радостно, словно к горе орлиной.
Ты для нее и вправду гора —
С ручьями, скалами, пропастями,
С птицами — вестницами добра,
С неприрученными, злыми зверями.
Женщина смело к тебе идет,
Но как ее горестно недоуменье,
Если гора не из крепких пород —
Песок да раздробленные каменья.
Шагнешь — и течет песок из-под ног,
Скользишь и вязнешь в склоне сыпучем,
Течет равнодушный, скучный песок,
И не взойти по унылым кручам.
И зной... И не слышится ни ручейка,
Ни птицы, ни шелеста ветра в листьях...
Безрадостна эта гора из песка,
Нет в ней надежности гор скалистых.
И даже хищников злобных нет,
Чтоб с ними сразиться, загнать в ущелье...
И женщина плачет: ведь столько лет
Пьянила мечта — и какое похмелье!
А сколько ты женщину эту ждал —
Не смей же ее обмануть позорно,
Надежней стань нерушимых скал,
Свежей листвы, звонче речки горной.
Долго ты был одинок — и вот
Радостно, будто к горе орлиной,
Женщина с верой к тебе идет,
Не обмани этой веры, мужчина.

ОПЯТЬ ПРИШЛА К ТЕБЕ

Опять пришла к тебе, пришла шальной девчонкою,
Стою перед крыльцом — входить ли в этот дом?
Стряхнула с платья пыль, вошла походкой звонкою,
Упав тебе на грудь, забыла обо всем.
Сейчас я как земля, измученная засухой,
Ты на меня дождем целительным пади,
И свежестью твоей, и нежностью обласкана,
Весенней пашнею прильну к твоей груди.

НАЕДИНЕ С ВЕРШИНОЙ

С вершиной в ранний час стою наедине,
Какой изменчивой гора предстала мне:
То предрассветной мглой затянут перевал,
То холода скользнет отточенный кинжал,
То ветра теплого прозрачная рука
Мне прядку ласково поправит у виска,
Но, встав над пропастью, жду напряженно я,
И свернута в бутон доверчивость моя...
Тревожно было мне в томящей тишине
С вершиной мрачною стоять наедине!
Вдруг сквозь седую мглу, как яркие клинки,
Взвились лучи зари, зажгли мои зрачки.
И сразу сделалась, как радуга, пестра,

Нежнейшим маревом окуталась гора,
Как будто предо мной не пик ее крутой,
А сказочный чертог в долине золотой!
Да, не напрасно я в рассветной тишине
С вершиной сумрачной была наедине,
Громады каменной я душу поняла:
Извечной красоты, глубинного тепла
Полна ее душа!.. Огнем зари светясь,
Я стала плавиться — с вершиною слилась,
И с яркой радостью почувствовала я,
Как в сердце расцвела доверчивость моя!

ГЛАЗА ДОБРА

Как у добра глаза лучисты —
Их взор, как взмах волшебной кисти,
А цвет их — тепло-голубой:
Вон голубая даль яснеет,
Дождь голубинки в поле сеет,
Высь голубеет над тобой.

Я голубым всегда согрета:
Ведь счастье — голубого цвета,
У детства голубые сны,
А выйду из дому наружу —
Из встречных глаз ворвется в душу
Волна такой голубизны!

Я в сказку о жар-птице верю,
Ронявшей голубые перья, —
Поймать бы хоть одно перо!
Я знаю: цвета голубого
Все — вплоть до подвига святого,
Все, что приносит в мир добро.

Я стою внизу, как любое
Доброе мгновенье голубое,
В своей созревает синий час...
Откуда же тогда на свете
Вражды и лжи паучьи сети
И поединки хищных глаз?

Как у добра глаза лучисты,
Как ржав и мрачен взор корысти,
Злость близорука и тускла!..
Так пусть глаза добра смелеют,
Голубизну терять не смеют
Под мутно-серым взглядом зла.

НИЧТО НАМ ДАРОМ НЕ ОБХОДИТСЯ

Пока живем, ничто нам даром не обходится —
За все, что дорого, и плата дорога:
Кусочек сердца дашь — прочней судьба построится,
Светлее будет жар родного очага.
Пока строка живой, звенящей не становится,
Как много жгучих слез размажешь по лицу,
Но ничего, клянусь, дороже не обходится,
Чем то добро, что ты окажешь подлецу.

КОРНИ

Там, за окном, синеют глыбы льда,
В метельной тьме мелькнет прохожий редкий,
Звенят в стеклянной стуже провода,
В седых узорах тяжелеют ветки.
А на столе, как в сказочном саду,
В хрусталь попав неведомо откуда,
Живая ветка яблони в цвету
Блестит, как легкомысленное чудо.
Смеется, нежным кружевцем гордясь,
Дрожит, косясь на темноту снаружи,
И радуется, глупая: спаслась
В тепле, в уюте от жестокой стужи.
Но легкой жизни слишком краток срок,
Цветкам бесплодным сморщиться покорно:
Ведь не в земле надежные их корни,
А лишь в воде — беспечный стебелек.

КОГО ЛЮБИТ ЗЕМЛЯ

Земля не любит попрошаек,
земля пустым словам не верит,
Любой наш труд, любой поступок
земля суровой мерой мерит.
Земля строга, земля не любит,
когда ее покорно молят,
Ей нужен плуга острый лемех,
как плугу нужен крепкий молот.
Плодов ты у нее попросишь —
не даст тебе плодов душистых,
Пока из саженцев дрожащих
деревьев не взрастишь ветвистых.

Колосьев у нее попросишь —
не даст тебе колосьев спелых,
Пока не вспашешь, не засеешь,
к ней не приложишь рук умелых.
Да, труден подвиг земледельца —
заботы мучат, жгут мозоли,
Зато послушай, как под ветром
звенит пшеница в спелом поле
И как светло, когда с рассвета,
улыбки радостной не пряча,
Хлеб свежевыпеченным солнцем
выходит из печи горячей!..
Земля строга — словам не верит,
земля тверда — слезам не верит,
Но трудовым рукам упорным
сторицею свой долг отмерит.
Земля — как женщина земная,
ее любви не ждут, не просят,
Ее любви лишь тот достоин,
кто душу ей взамен приносит.

* * *

Не мешайте мне сегодня, небеса,
Ваши песни — будто райская роса,
Прямо в грудь текут их звоны-хрустали,
Но еще чудесней — тайный звон земли.
Из глубин ко мне несется этот звон,
И едва моей души коснется он,
С сердца стряхиваю всю тоску-печаль,
Как от снега мы отряхиваем шаль.

Не мешайте мне сегодня, небеса,
Хоть и сладки ваших песен чудеса,

Но зато под этот темный гул земли
Вижу горы, наш аул родной вдали.
Дым кизячный густо вьется у дверей,
В липком тесте руки матери моей,
Вот и бабушка, войдя под низкий свод,
Молока парного кринку нам несет...

Не мешайте мне сегодня, небеса,
Всей земли сейчас я слышу голоса,
Всех богатств ее я слышу тайный звон —
Клятвы, подвиги, мечты былых времен.
О как в сердце закипает в этот миг
Всех надежд моих и радостей родник!
Если б чаще так сливаться мы могли —
Звон груди моей со звоном всей земли.

ЖЕНЩИНА — ЭТО НЕ ЧАША...

Ты восклицаешь, поэт: женщина — чаша хмельная,
Клинок несогласья с тобой сразу скрестить желаю.

Женщина — это не чаша, не думай легко напиться,
Не думай, едва протрезвев, запросто опохмелиться.

Женщина — это не чаша! Женщина — гордая крепость,
А стерегут эту крепость отвага, любовь и ревность.

Кто б ни стучал в ворота — друзья ли твои, враги ли,
Крепость от всех береги, иначе захватят другие!

Женщина — это не чаша! Женщина — это вершина,
Лишь одному покорилась, для прочих недостижима.

А чтобы ручьи родились, цветы запестрели на скалах,
Надо, чтоб жаркий луч, весенний луч обласкал их.

Женщина долгие годы надежду и нежность копит,
Пока ее гордые льды любовь твоя не растопит.

Да, чашу ее любви ты сможешь испить тогда лишь,
Когда, как весеннее солнце, гордость ее расплавишь.

КАЖДЫЙ ЛЮБЯЩИЙ — ПРОМЕТЕЙ

Ты на что ж надеялся, милый?
Неужели и вправду ждал,
Что любовь — это луг весенний,
А не трудный, крутой перевал,
Что, как жаворонок беспечный,
В небе счастья будешь кружить?..
Нет, мой друг, чем любовь прекрасней,
Тем трудней ее заслужить.

За большое и плата большая —
Ведь недаром же Прометей
Столько выдержал мук жестоких
Ради солнца грядущих дней.
Но и в хищных когтях страданья
Знал бунтарь, что с этого дня
Станет людям светлей и теплее
От добытого им огня.

Ты на что ж надеялся, милый?
Неужели и вправду мнил,
Что огонь моих чувств похитишь,
Не отдав своих лучших сил?

Я — как молния шаровая,
Ты бы взять ее в руки смог?
Мое сердце — восторгов, мучений
И страстей огневых клубок.

Нет, не жертвуя, не сражаясь,
Не страдая, любить нельзя!
Пусть бесчинствуют злые боги,
Потушить наш огонь грозя.
Будь не жаворонком весенним,
Будь орла наших гор смелей,
За огонь похищенный бейся:
Каждый любящий — Прометей!

НЕ ТОЛЬКО ДОБРУ

И мама меня доброте учила,
И бабушка доброте учила,
Как в спелых зернах, падавших в пашню,
Была в их словах сокровенная сила.
А мирная жизнь аульчан-соседей
Дарила тем зернам солнце и влагу,
И сердцем, открытым всему на свете,
Добру я с детства дала присягу.
Увы, были слишком добры родные —
Не сделали сердце мое закаленным:
Едва я со злом столкнулась впервые,
Оно показалось могучим драконом.
Как сердцем доверчивым, сердцем открытым
Могла я сражаться с таким страшилой?
И чудище злое, не встретив защиты,
Меня оглушило, почти задушило...
Но вновь меня, вновь доброта лечила,
Хоть сердце и жгли кровавые шрамы...

Так зло узнавать под любой личиной
Учился мой дух, молодой, упрямый,
Теперь, закалясь в грозовых порывах,
К любой я готова жестокой минуте...
Родители наших детей счастливых,
Пример судьбы моей не забудьте.
Детей не только добру учите —
Учите, как зло и грязь ненавидеть,
Готовьте к борьбе — не только к защите,
А главное — их научите видеть:
С юности ясно им видеть нужно,
Где правда, где зло, где мед, где отрава —
Оставить их доброту безоружной
Мы не имеем права!

МОЯ УСМЕШКА

Вот снова подлец, сверху размазав мед,
Заплесневелый хлеб с улыбкой мне подает, —
Угодливый рот, выжидающий лисий взгляд,
Ждет, чтобы с медом я проглотила яд.
Смотрит, уверен, что с ног буду сбита я,
Но вспыхнет усмешка моя ядовитая,
И мимо пройду, как воин, пряма, строга,
Не саблей, не пулей — страхом сразив врага.

ЧЕСТНОСТЬ

Пускай мы прослушаем сотни лекций,
Вопрос на собраньях обсудим,
Но честности — честно скажу — не учат,
Честность дается людям
Жизнью самой, как весеннее солнце
Честно свой свет разливает,
Как честно родник дает свою воду,
Как честно плод созревает.
Честность рождается в добром взгляде,
Порою в упреке тонком,
Честность дают родители детям,
А дети — новым потомкам.
Честности учатся у героев —
Порой незаметных, безвестных.
Да, как бесстрашье — наследье бесстрашных,
Так честность — наследье честных.

ОРЕЛ В ЗООПАРКЕ

Нет, это не орел — лишь тень орла,
и пусть над ним сияет полдень яркий,
Он не взлетит, — зевакам напоказ
он прозябает в клетке, в зоопарке.
Померк его когда-то острый взор,
тугие крылья тряпками обвисли,
И пробуждает жалкий вид его
не гордые, а горестные мысли.
Ладонь над грудью левою держу —
прислушиваюсь к ноющему сердцу:
Болит оно — и просит у меня
открыть орлу заржавленную дверцу.

Но никогда, я знаю, никогда
крылатый узник в небо не рванется:
Здесь он живет, томится и умрет,
как в глубине угрюмого колодца...
В горах я родилась — и с юных лет
орлов я навидалась настоящих,
Там ледники в туманах, как чалмы
почтенных стариков, кальян курящих,
Там к небу поднимаются орлы
легко и плавно, словно без усилья,
В грозу и зной, свободны и горды,
парят отважно, распростерши крылья.
Но не гнушайтесь пленником-орлом,
что прозябает, в тесной клетке мучась,
Хоть он и заточен, но тоже горд
и гордо сносит роковую участь.
Наверно, оттого он так грустит,
что видит не утесы и не бездны —
Бетонные обломки вместо скал,
а вместо водопада — кран железный.
Ладонь над грудью левою держу —
прислушиваюсь к затаенной боли:
Не может сердце свыкнуться — болит
при виде гордой вольности в неволе!
Нет, это не орел — лишь тень орла,
задумайтесь, вглядитесь — и поймете—
Как плуг прекрасен в поле, меч — в бою,
так и орел прекрасен лишь в полете.

ДОБРЫЙ ДОМ

Помню старинный, мудрый совет:
Если ты путник в краю чужом,
Если вошел в аул незнакомый
И должен войти в незнакомый дом,
В ту саклю войди и ночлега проси,
Где мирного счастья голос звучит:
Где женщина песню поет негромко
Или младенец звонко кричит.
И вот однажды я очутилась
От всех знакомых мест вдалеке,
Случилось это вечером зимним
В сибирском заснеженном городке.
Я заблудилась, был поздний час,
Звенел проводами черный мороз,
Вьюга мела вдоль пустынных улиц,
И ветер злой обжигал до слез.
Не доносился ни женский напев,
Ни плач младенца из темноты, —
И в скромный домик я постучалась,
Где за стеклом виднелись цветы.
И не ошиблась! Добрым теплом
Встретил меня незнакомый дом!..
Те, чьи сердца холодны и пусты,
Навряд ли станут растить цветы.

СДАВАТЬСЯ НЕ СМЕЙ

Ни разу, ни на одно мгновенье,
какая с тобой ни стряслась бы беда,
Тьме безнадежности непроглядной
сдаваться не смей никогда, никогда!
И как бы друг тебя ни обидел,
и враг бы ни ранил души твоей,

В какую бы топь тебя ни столкнули,
последней надежды терять не смей!
Пусть молнии жалят и гром грохочет,
хохочет над самой твоей головой,
Пусть горло тебе все злее сжимает
петля тугая воды ледяной,
Сражайся с бедой, до последнего вздоха
живым кислородом надежды дыши,
Помни: страшней самой страшной смерти
мрак безнадежности — мрак души!
Угасла любовь, разорвалась дружба,
а все-таки верь, а все-таки жди:
Новая радость нежданной птицей
ворвется в темницу твоей груди,
И сразу в разбитые окна сердца
весенние ринутся сквозняки, —
Все ветры мира в тебе заиграют,
разгонят едкий туман тоски.
Ведь даже за самой горькой бедою
пора наступает добрых чудес,
Как даже за самой гибельной топью
виден просвет, расступается лес.
Так выброс предательское малодушье
и голос отчаянья заглуши,
Помни: страшней самой страшной смерти
яд безнадежности — смерть души.
Вот и сейчас я в беде очутилась,
и чудится: в черной трясине тону,
И враг мне мучительно ранил душу,
и другу не в силах простить вину,
И молнии жалят меня, и грохочет,
хохочет гроза над моей головой,
И горло все злей обвивает, сжимает
петля тугая воды ледяной.
Кажется, выбраться сил не хватит
из этих ненастных, несчастных дней...

Но за соломинку я хватаюсь —
за тоненький луч надежды моей —
И верю: из гибельной, черной трясины
на твердую тропку выйти смогу,
Дойду до спасительного порога —
к теплому, дружескому очагу.

СЛОВО ОБ ОРЕХОВОМ ДЕРЕВЕ

Я деревом ореховым любуюсь —
громадной кроной, вековым стволом.
Как старый богатырь, на горном склоне
стоит он, размышляя о былом.
Слыхала я: мучительно и долго
ореховому дереву расти —
Из почвы жесткой, почвы каменистой
ростку тугому нелегко взойти.
А до суровой зрелости, до первых
в броню одетых крепышей-плодов,
Еще пятнадцать долгих лет он должен
страдать от зноя, бурь и холодов.
Да, нелегко ему дается зрелость,
зато потом разбей орех любой:
Какая мякоть сытная хранится
под твердою, бугристой скорлупой!..

Гляжу на крону мощную, густую,
на крепкого ствола живую медь:
Учиться надо бы и нам, поэтам,
такую стойкость мудрую иметь,
Чтоб свет и сок в себе сгущало сердце,
за ветвь держалось бы упорней всех,
Чтоб закаленным сделалось снаружи,
внутри же мягким, спелым, как орех.
Когда ж умрет, пускай с певучей ветки
в грудь упадет народу моему —
Пускай тугим ростком пробьется к свету,
а корни пустит в глубину и тьму.
Так из навек умолкнувшего сердца,
из лучших дум его, из лучших слов
Родится древо чьих-то новых песен —
густые ветки в тысячах плодов.

ПОЭЗИЯ

Не нужно магии святой — лишь мужество одно,
Когда за жемчугом морским спускаются на дно.
Не нужно мудрости большой — лишь сила да кирка,
Чтоб самоцветы древних гор добыть из тайника.
Но тайны из глубин души — напрасно сил не трать —
Нельзя без магии добыть, без мудрости достать,
И к недрам потаенных чувств, что наша грудь
Хранит,
Путь не проложит ни кирка, ни лом, ни динамит.
И все ж такая мудрость есть —
Жуковский, Пушкин, Блок,
Чтоб каждый ощутить в себе сокрытый жемчуг мог,
И магия такая есть — Чайковский, Моцарт, Григ,
Чтоб каждый в недра дум своих с волнением проник.

Вот так и я в моих стихах хочу любой ценой
Добиться магии такой и мудрости такой,
Чтоб люди открывать могли в своей же глубине
И тайники алмазных чувств, и жемчуга на дне.

ЧИТАТЕЛЯМ МОИМ

Читатели мои! Теперь вы стали
В моих стихах все чаще замечать,
Чего в былые дни не замечали:
В журчанье строк, восторженных в начале,
Вдруг зазвучали тайные печали,
А губы сжались в горькую печать.

Но не ищите горестных событий
В моей судьбе, хоть нелегка она, —
Мне возраста прибавить не спешите,
Хоть в волосах и серебрятся нити,
Кого люблю, в изменах не вините —
Я личным счастьем не обделена.

Но шли года, и глубже я постигла
И жизнь, и смерть — их потайную суть,
А вместе с мудростью и грусть возникла,
От юных грез наивных я отвыкла,
Зато полней в добро и свет проникла
И все труднее выбираю путь.

Что так беспечно я любила в школе —
Стихи и горы, солнце и людей —
Теперь люблю мучительно, до боли,
За весь наш мир тревожусь поневоле,
Стать равнодушной, черствой не позволю
Душе моей — советчице моей.

Да, если я грущу, то не взыщите,
Друзья мои — читатели мои,
Мне возраста прибавить не спешите
И не ищите горестных событий,
И пусть меж нами не ослабнут нити
Сочувствия, доверия, любви.

Лишь оттого взгрустнется мне порою,
Что вас люблю я все острей, больней.
Как мало по сравнению с вами стою,
Творцы великих дел, мои герои!
Клянусь: любой строкой, любой мечтою
Служить вам буду до последних дней.

ЕСТЬ ЧТО-ТО ОТ ГРОЗЫ ВО МНЕ

Есть что-то от огня во мне —
не сердце ль женщины влюбленное
Впервые пламя родило,
согрело племя изумленное?
Есть что-то от грозы во мне,
веселой, с дерзкой сумасшедшиной
Впервые молния и гром
не рождены ли тоже женщиной?
Да, молния сверкать и жечь
бесстрашьем женщины обучена:
Из сердца женского взлетев,
переселилась в сердце туч она, —
Гремит гроза из черных туч,
и падает на землю ливнями,
И говорит земле: «Цвети!» —
сверкая ей очами дивными.

Есть что-то от пурги во мне:
над тропами крутыми, скользкими
Пляшу, безумствую, свищу,
взвиваюсь колдовскими кольцами.
Сбиваю слабодушных с ног,
а сильного сперва помучаю,
Пока не сможет сам найти
дорогу истинную, лучшую!
Да, что-то в женщине, во мне
есть дьявольское, неизвестное:
Огнем горит, грозой гремит,
тропинкой дразнится над бездною.
Так, не давая отдохнуть,
маня грядущими победами,
Мужчин земли зову я в путь —
путь неоткрытый, путь неведомый.

2.

ОКРЫЛЕННОСТЬ

МНЕ

Мне, твой покой навсегда укравшей,
Мне, потерявшей и свой покой,
Мне, до созвездий тебя поднявшей
И в сны-лабиринты взявшей с собой,
Мне, ради встреч наших жарких ставшей
Отчаянней сказочного смельчака,
Мне, столько раз через пропасть шагавшей,
Смеясь и танцуя на грани клинка,
Мне, опьяненной, мне, просветленной,
То ясновидящей, то слепой,
Мне, без остатка в тебе растворенной,
Не мыслящей мига прожить не с тобой,
Мне, опаленной страстью твоею,
Впитавшей и боль ее и благодать,
Сегодня земля стала втрое роднее,
А небо — ну просто рукой подать!

ОКРЫЛЕННОСТЬ

Увидела, вспыхнула, ринулась и... взлетела —
К тебе полетела, крылья раскинув смело!
Крылья? Откуда?.. Их не было за плечами...

МНЕ

Мне, твой покой навсегда укравшей,
Мне, потерявшей и свой покой,
Мне, до созвездий тебя поднявшей
И в сны-лабиринты взявшей с собой,
Мне, ради встреч наших жарких ставшей
Отчаянней сказочного смельчака,
Мне, столько раз через пропасть шагавшей,
Смеясь и танцуя на грани клинка,
Мне, опьяненной, мне, просветленной,
То ясновидящей, то слепой,
Мне, без остатка в тебе растворенной,
Не мыслящей мига прожить не с тобой,
Мне, опаленной страстью твоею,
Впитавшей и боль ее и благодать,
Сегодня земля стала втрое роднее,
А небо — ну просто рукой подать!

ОКРЫЛЕННОСТЬ

Увидела, вспыхнула, ринулась и... взлетела —
К тебе полетела, крылья раскинув смело!
Крылья? Откуда?.. Их не было за плечами...

Лечу, а гроза гремит огневыми мечами.
Ах, мне бы опомниться, наземь скорей спуститься,
Ведь молний боится и самая дерзкая птица,
Но разве удержат все грозы и все стихии
Безумство души, развернувшей крылья впервые?

ОТКРЫТИЕ МОЕ

Когда впервые встретилась с тобой,
Тебя бы я сравнила со скалой:
Крута, тверда, сурова, холодна —
Такой скала снаружи всем видна.
Все видят тучи — волосы ее,
Все слышат грозы в голосе ее,
Но кто узнает, что в груди хранит
Седой скалы обрывистый гранит?..
А я узнала! С самых первых дней
Я разгадала, что́ в груди твоей:
Глубоко скрыт от посторонних глаз,
Лучился в ней души живой алмаз.
Да, милый, ты — открытие мое,
Счастливое событие мое,
Пусть виден всем суровый твой гранит,
Алмаз души лишь мне одной открыт.

ТОЛЬКО ТЫ!

Мне чудится, что с юных лет
я лишь к тебе навстречу шла,
Еще не зная жизнь твою,
твои мечты, твои дела.

Мне чудится: из тысяч лиц,
куда б ни взглядывала я,
Одно лицо — твое лицо —
лепила, складывала я...
И повелители машин,
и покорители вершин,
И укротители стихий —
все это был лишь ты один.
И если в глубочайшем сне
цвели желанные черты,
Все это был лишь ты один,
всегда и всюду — только ты!..
Я помню дикую тропу,
где, бесшабашен и удал,
Джигит, передо мной хвалясь,
над краем бездны гарцевал,
Над острой гранью, где чернел
угрюмый, гибельный провал,
Вертеться на одной ноге
он вороного заставлял.
Подружка вскрикнула моя,
залюбовалась удальцом,
И улыбался нам джигит
слепящим, белозубым ртом,
И жег меня, и звал меня
взор молодого смельчака,
Но недоступней я была,
чем синий холод ледника...
Еще я помню: хмурым днем,
по кромке гор, сквозь облака,
В кабине гулкой я плыла
тяжелого грузовика.
Хрипел стальной силач БелАЗ,
одолевая снег и скользь,
Вверх, по спиральному шоссе,
с упорством буйволиным полз.

Не мог мой удалой шофер
умерить молодецкий пыл,
Похвастать смелостью хотел —
баранку так и сяк крутил,
Игрушкой у него в руках
казался мощный самосвал,
Но неприступней я была,
чем этот трудный перевал...
Да, сколько жарких глаз мужских
взирало на мои черты,
И сколько сильных рук мужских
протягивало мне цветы,
А я все шла и шла — к тебе,
еще незримому, стремясь, —
Задолго сердцем ощутив,
как неразрывна наша связь...
И конь горячий, вороной
над бездной на дыбы вставал,
И грузным буйволом БелАЗ
полз на опасный перевал,
И чей-то жег влюбленный взор,
и кто-то мне дарил цветы,
Но это был лишь ты один,
всегда и всюду — только ты!

ЛЮБВИ НЕ УЧАТ

Да, азбуку любви сам бог бы не составил,
Нет для любовных чувств ни букварей, ни правил,
Их не по буковкам, не по слогам читают —
То в бездну рушатся, то к облакам взлетают.
Любви не учат, нет, — сожмет лучистой сетью,
А то, как злой седок, сечет горящей плетью,
И мчимся день и ночь скалистым бездорожьем
Сквозь бурю и грозу, а пламя сбить не можем.

БУЙСТВУЕТ СЕРДЦЕ

Буйствует сердце, буйствует!
Не справиться и с головою —
Кружится, глупая, кружится,
катится детской юлою.
Качусь, а куда, не знаю:
к болотам тоски бесцельной,
К пропасти ли смертельной,
к радости беспредельной?
Узду бы на сердце набросить,
хлестнуть бы его, чтоб остыло,
Но в нужный момент я ни разу
уздечки не находила.
Буйствует сердце, буйствует,
злюсь я, смеюсь, пылаю —
Знаю, что сделаю глупость,
но умной быть не желаю.

ИДУ В НОЧИ

К тебе в первый раз я иду в ночи,
В долинах тьма, не слышны ручьи,
И смолкли птицы в старом саду,
И дремлется звездам... А я — иду.
Иду, как светильник живой, горя,
Вся из мерцающего янтаря,
И в каменных бурках, молчанье храня,
Лишь строгие горы глядят на меня...
Знаю: ты очень, ты очень устал —
Вчера лег поздно, зарю проспал,
Да и сегодня над грудой дел
Опять допоздна за столом сидел.
Вот лампа погасла в твоем окне,

И все потонуло во тьме, во сне,
Тихо... Не дрогнет и ветка в саду,
И звезды уснули... А я — иду.
Иду — как ожившая ночью заря,
Вся из мерцающего янтаря,
Иду — как живой, непокорный луч,
Пробившийся из-за черных круч,
И звонче журчат в темноте ручьи,
Мой тайный зов разнося в ночи:
«Любимый, проснись! Не проспи зарю —
Зарю этой ночью тебе подарю!..»

ВСЕ КАЗАЛОСЬ НЕВОЗМОЖНЫМ

Все казалось невозможным,
Будто сказочная небыль,
Недоступным и тревожным,
Как изменчивое небо.
Да и в ком найдутся силы,
Чтобы прямо в небо взвиться?
Мы ведь пылки, но бескрылы,
Мы ведь люди, а не птицы.

Все казалось невозможным...
Только вдруг судьба смягчилась —
Свой клинок вложила в ножны
И сменила гнев на милость.
Стало небо низким-низким,
Стало счастье близким-близким,
Слез весенний дождь сверкает,
И снежинки в сердце тают.

Все казалось невозможным,
А каким возможным стало!

Узнаю твой взор надежный,
Голос теплый, чуть усталый.
Снова после злой погони
Ясный мир добром лучится,
И рука в твоей ладони
Отдыхает хрупкой птицей.

ЛАДОНИ ТВОИ ВОСПЕВАЮ

Ладони твои воспеваю,
но с чем их могу сравнить?
В их крепком ларце задумал
ты сердце мое сохранить.
Чтоб злоба к нему не проникла,
не ранила злая ложь,
Как в раковине — в ладонях
ты сердце мое несешь.
Ладони твои воспеваю —
всего мне дороже они,
На раковину морскую
и вправду похожи они.
В их розовых, жарких створках
мечусь я — на волю хочу,
Хоть знаю сама, что за бегство
я дорого заплачу.

Ладони твои воспеваю —
и лишь одного боюсь:
Уронишь меня — и в брызги,
в жемчужинки превращусь.
Нанижут из них ожерелья
для чьих-то надменных шей,
Слезами серег закачаюсь
на мочках чужих ушей...
Ладони твои воспеваю,
расстаться с ними боюсь,
Я плен их люблю — и все же
упрямо на волю рвусь.
Покрепче держи, покрепче,
не выпусти, я молю,
Живой, своенравный жемчуг —
любовь колдовскую мою!

НА ЭТОЙ УЛИЦЕ

На этой улице всю ночь светло,
На этой улице весь год тепло,
Мне прямо в душу сто ночей подряд
Два пристальных окна твоих глядят.
Два ярких, негасимых и родных,
И словно вечный свет сияет в них,
Ведь в каждом, лучезарна и верна,
Любовь — моя любовь — отражена.
Свет счастья и печали — этот свет,
Мне два окна бессонный шлют привет,
И знаю лишь одно: пока живу,
Светиться им во сне и наяву.
Хранят они секрет заветный мой,
Вот почему лишь для меня одной
На этой улице весь год тепло,
На этой улице всю ночь светло.

КАКАЯ ЗАРЯ!

Какая заря! Первый луч, блеснув вдалеке,
Волшебной палочкой вспыхнул в моей руке,
И в сердце-горниле, как жаркая горсть углей,
Слова надежды все трепетней и светлей.
Волшебную палочку я в синеву обмакну,
Одно только слово в небе писать начну:
«Придешь, придешь!..»
Да и может ли иначе быть?
«Придешь, придешь!..»
Да и можно ли иначе жить?
Черна была ночь, но разжечь я смогла зарю,
«Придешь!» — говорю, и пошире дверь отворю,
И жду на пороге в рубашке, в пестром платке,
Босая, с волшебной палочкою в руке.

ВЕТЕР СУДЬБЫ

Дрожат под властной рукою ветра
чуткие ветки березы,
Дрожат то с надеждою, то с тревогой —
то зелены, то белесы.
Вот так и я трепещу ветвями
все радостней, исступленней,
Едва по плечу, по груди мне проводишь
широкой своей ладонью.
Глубóко в твою суровую властность
вросли моей жизни корни,
А ветки души по-весеннему чутко
порывам твоим покорны.
И ты проводишь по мне ладонью
то с лаской, то с угрозой,
Как ветер судьбы — порывистый ветер,
пронесшийся над березой.

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Говорят, что годы, годы
под скалой родник таится,
Прежде чем накопит силы —
бурно хлынет из темницы.
И лишь капельки последней,
роднику дождаться надо,
Чтоб сломать, раздвинуть камни,
чтоб разрушилась преграда.
Говорят, что годы, годы
неприметно, неустанно
Огнедышащая лава
копится в жерле вулкана.
Лишь толчок последний нужен,
чтоб сломить его терпенье,
Чтоб вскипело, загремело
яростное изверженье...
Так, любимый, годы, годы
силу страсть моя копила,
Власть твоей улыбки — вот что
каплею последней было.
Хлынула любовь нежданно,
как родник, живой, звенящий,
Излилась рекой горящей,
как вулкан громокипящий.

* * *

Любимый, дари мне порой тишину,
Дари, как река — голубую волну,
Дари, как зимою нам дарят цветы,
Как вносят лампаду под свод темноты.
Дари, как полоску весенней зари,

Дари, как объятье у милой двери,
Дари, будто в жатву, в полуденный зной
Кувшин с родниковой водой ледяной.

Любимый, дари мне порой тишину,
Измученной бурей в тиши отдохну,
А после опять я начну собирать
Разметанных чувств тучекрылую рать.
Опять пошатнуть захочу я твой путь,
Грозой над твоею судьбой полыхнуть,
Чтоб рук твоих ветки, скалу твоих плеч
Небесным огнем ослепить и обжечь.

Любимый, дари мне порой тишину:
Я к ней потянусь, будто чаша к вину,
Глотну и пойму: и в любви, и в беде
Надежней тебя нет мужчины нигде!
Тогда, в нашем счастье опять убедясь,
Опять ощутив нашу жгучую связь,
Обрушусь я молнией новой любви
В широкую крону — в объятья твои.

НЕ ЗЛИСЬ

Не злись, что я слишком нежна или слишком сурова,
Что улыбнешься другой — и плакать готова,
Что и люблю и ревную не в меру страстно,
Что клятв и нежностей требую ежечасно.
Нет, я не капризней других, я совсем не злая,
Я просто женщина, от любви хмельная,
Умею любить и страдать острей, чем другие,
Целуюсь, ревную, мучусь — все как впервые!

ТВОЕ УПРЯМОЕ ЛИЦО

Твое упрямое лицо изменчиво, как светофор,
Ревниво я слежу за ним, разгадываю каждый
взор:
Твой красный свет сердито жжет, зеленый
радостно зовет,
Но ведь упрямица и я — все делаю наоборот.
Когда зеленый свет, стою, на красный сразу же
иду,
Хоть и опасность он сулит, непоправимую беду.
И пусть гудят, сигналят мне: «Эй, сумасшедшая,
постой!» —
Не сможет даже лучший друг сдержать порыв
безумный мой.
Вот снова у тебя в глазах зеленый свет,
весенний цвет,
С предгорий наших лучших лет он словно сердцу
шлет привет.
Идти бы надо поскорей, но медлю у твоих дверей:
Так яхта словно бури ждет, чтобы сорваться
с якорей.
И вновь опасный, красный свет — предупрежденье
и запрет,
Но разве не слыхали вы, что для любви запретов
нет?
Сейчас ты ко всему готов: к безумству, страсти
и вражде.
Иду на жгучий красный свет — навстречу счастью
и беде.

СЛЕЗА НА ЛАДОНИ

Тебе на ладонь упала слеза моя золотая,
За что, я сама не знаю, награда тебе такая?
В этой слезе все чувства,
все истины мира скрыты,
Надежды, обиды, восторги, судеб наших орбиты.
Тебе на ладонь упала слеза моего волненья —
Что ж ты себя королем
не чувствуешь в эти мгновенья?

ДА, ТЫ РЕВНИВ...

Да, ты ревнив, ты на все способен со зла,
Когда весела, говоришь: «Почему весела?»
Когда грустна, говоришь: «Почему грустна?»
И ревность твоя, как раненый барс, грозна.
Но, гнев обуздав, поняв, что опять не прав,
С огнем поцелуев шепот любви смешав,
Твердишь ты мне, от раскаянья сам не свой,
Что, верно, устала, устала я быть с тобой!..
Нет, милый, ты — небо мое, я — земля твоя,
А разве может от неба устать земля?
Люблю я и мрачные тучи — ревность твою,
Люблю я и вспышки молний — гневность твою.
Ты — небо мое, ты — солнечная благодать,

А разве может от солнца земля устать?
То светишься ты — лучи расточаешь мне,
То хмуришься ты — грозу обещаешь мне.
Но если ты небо, будь небом моим всегда,
Меня не пугают гроза, туман, холода,
Пусть будет всегда со мною гневность твоя,
Пусть будет всегда со мною ревность твоя!

ТИХОНЬКО ПЛАЧУ

Я плачу, тихонько плачу,
и легкой грядой летучей
От слез моих прямо в небо
восходят слоистые тучи,
Клубами легчайшего дыма
они проплывают мимо
И в синей дали предгорий
теряются невозвратимо...
Я плачу, тихонько плачу —
бывает же туча безмолвной,
Отплачется — и умирает
без грома и жгучих молний,
Но после нее и воздух
бывает особенно чистым,
И радостней зреют нивы,
и легче дышится листьям...
Я плачу, тихонько плачу,
в слезах растворяю обиду,
Когда же глаза прояснеют,
к тебе, обновленная, выйду
И вымытым, ярким взором,
улыбку даря в придачу,
В глаза твои, милый, гляну...
Вот так! А пока что плачу...

ИЗ-ЗА ТЕБЯ

Это все, любимый, из-за тебя:
день прошел в упреках и спорах,
Горьким дымом обида стлалась в душе,
как над полем сраженья — порох.
Это все, любимый, из-за тебя:
исступленным был наш поединок,
Не как два любовника были мы —
два батыра на горных льдинах!
Самолюбия вспыхивали клинки,
звоном гордость-броня отвечала...
Что ж, безумный спор, бесполезный бой
завтра снова начнем сначала?
Нет! Я знаю, завтрашняя заря
будет радостней, огнецветней,
Чем сиянье первого мирного дня
после войны столетней.

ОНИ И МЫ

Много недель у ханжей и сплетниц
Мы были с тобой на повестке дня,
Нас будто злобно спускали с лестниц —
Бранили тебя, стыдили меня.
Их колкие взгляды, будто в мишени,
Впивались нам в лица, летели вслед,
Но шли мы и в гордом пренебреженье
Дротики слов не бросали в ответ.
Пускай с их губ ядовитая пена
Брызгала под ноги нам порой,
Мы лишь улыбались чуть-чуть надменно,
Шагая сквозь их завистливый строй.
И чем холодней была их немилость,

Тем жарче был пламень в нашей крови,
Чем низменней ненависть становилась,
Тем выше мы шли по тропе любви.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Мой легкий вздох тончайшею вуалью
Подернул гладь зеркальной чистоты,
И, глядя с непонятною печалью,
Таинственней и незнакомей стали
Мои давно знакомые черты.

Меняюсь я: был дерзким, стал печальным
Мой взор, морщинки-лучики видны...
Но тут, как свет над перевалом дальним,
Ты возникаешь в вещем сне зеркальном,
В сиянье предвечерней тишины.

И вмиг мой лик светлеет, словно туча,
Когда закат ее пронзил насквозь:
Я вижу острый кряж, ручей гремучий
И краешек судьбы — скалистой кручи,
Где встретиться нам чудом удалось.

Мой горький вздох как бы мазком пастели,
Сырым дымком, скользнувшим из ущелья,
Подернул гладь бесстрастного стекла...
Но как бы жгучи были сожаленья,
Ползучи тени близкого старенья,
Когда б твоя любовь мне крыльев не дала!

В ШТОРМЕ ТВОЕМ

Наверное, самый бывалый моряк —
Из самых шальных океанских бродяг
Не только табак, чтоб дымился чубук,
С собою берет и спасательный круг.
Чего только в море не может стрястись,
А круг не потонет — поможет спастись.

Ты — море мое: не лазурную тишь,
Ты мне ураганы и смерчи сулишь —
Упреки, угрозы... Как сердце спасти
На этом жестоком любовном пути?
Одно только средство: пусть будет упруг
Благоразумья спасательный круг.

Но нет, мне не нужен спасательный круг,
Когда я вхожу в океан твоих рук:
Взлечу ли на гребень, пойду ли ко дну —
Люблю грозовую твою глубину...
Да, в шторме твоем, в безрассудстве моем
Уж лучше мы вместе погибнем — вдвоем!

МОИ БЕЗУМЬЯ

Да, столько безумий, страстей, огня
В сердце моем неустанном,
Что сравниваешь все чаще меня
То с бурей, то с океаном,
А то и вулканом меня зовешь,
Когда я хоть где-то замечу
Малейшую подлость, бездушие, ложь
И гневным отпором отвечу.
Зато не безумным ли вешним ручьем,

Хлынувшим из ущелья,
Рвется, едва я с тобой вдвоем,
Порыв моего веселья.
Нет, не ручьем бурлит моя страсть —
Каскадом огня раскаленным,
И даже робеешь ты, словно боясь,
Что рухнешь, испепеленный!..
Но если я с милым лицом твоим
Не вижусь дня три всего лишь,
Тоски и тревоги моей никаким
Наркозом не обезболишь,
И как бурлив мой счастливый порыв,
Когда сплетены наши руки,
Так дух мой скован и сиротлив
В угрюмые дни разлуки.

МНЕ ХОТЕЛОСЬ НЕ СГИБАТЬСЯ...

Как, любимый, мне хотелось
Под грозой любви твоей
Сохранить упорство, целость,
Не сгибать своих ветвей,
Дубом крепким стать мечтала,
Подавить свой женский страх,
Но увы — тростинкой стала
Я в твоих больших руках.
А вот дуб над старой саклей,
Буре встав наперекор,
Рухнул — грудой мокрой, жалкой
Завалил соседский двор...
Я же словно гибкий прутик,
Жадно сорванный тобой,
Гибкий прутик, жгучий жгутик —
Не боюсь грозы любой!

ДАЖЕ СМЕРТЬ

Сколько речек весенних катилось в детстве
С наших гор, клокоча, хохоча, дразня, —
Был их нрав по-детски безумный, дерзкий,
А вода чиста, будто слезы коня.
Но одну вспоминаю и в сердце чую
Ледяную, седую прохладу — смерть:
Словно бабочку, ветреную, шальную,
Чуть весной не сглотнула меня водоверть.
В восемь лет было чудом мое спасенье,
А сейчас, через тридцать, опять тону:
В этом счастье, в смятенье,
Как в речке весенней,
Закружилась, гибну, иду ко дну...
Но теперь не ужас тоскливый чую —
От тебя мне радостна даже смерть!
Пусть, как бабочку, смоет меня, шальную,
Нашей страсти слепящая круговерть.

КОГДА Я МОЛЧУ...

Любимый, когда я молчу в минуту разлуки,
Ты знаешь ли, сколько в этом борьбы и муки?
Не зря говорят, что рана быстрей заживает,
Когда из нее поначалу кровь вытекает.

Дать волю словам — они бы струей печали,
Как кровь из раны, текли и боль облегчали,
А я только пальцы ломаю да губы сжимаю,
И боль все твердеет — я вглубь ее загоняю.
Как трудно молчать, закрыть свои чувства, мысли,
Мы словно вдвоем над краешком бездны повисли,
Стою пред тобою, упрямо голову вздернув,
А все под ногами плывет, как тяжелый жернов.
Но верь в этот миг чуть заметной моей улыбке —
На краешках губ дрожит ее отблеск зыбкий,
И знай, почему я в минуту прощанья молчу:
Дни горькой разлуки тебе облегчить хочу.

ГОНЮ Я ТЕБЯ ИЗ ДУШИ...

Гоню я тебя из души, а сама страшусь,
Что вправду уйдешь — и сразу опустошусь,
Что сердце станет будто худой мешок,
Откуда просыпались зерна в сухой песок.
Гоню я тебя из души, а сама страшусь,
Что вправду уйдешь — и угасну я, иссушусь,
Что сердце станет как выгоревший очаг
И пепел проглянет в жарких моих очах.
Гоню я тебя из души, а сама зову,
Чтоб ты на пороге опять возник наяву,
Чтоб вновь не сидеть безнадежно в доме пустом
Всю ночь за столом,
Перед белым, как смерть, листом,
И чтоб опять, обессилев, почти не дыша,
Сухой, отломившейся веткой едва шурша,
Над пропастью гибельной не замерла душа.

В ЧАС ПРОЩАНЬЯ

Не надо, родной, в этот час прощанья
Дарить ни клятвы, ни обещанья —
Весь жемчуг морей — на весах бытия —
Одна перевесит слезинка твоя!
Каких полна сокровенных магий
Та капелька солоноватой влаги,
Что, словно беглянка, сползла тайком
По жесткой складке над плотным ртом.
Мне ли не знать, как долго, упорно,
Будто в огне кузнечного горна,
Мужское чувство должно пылать,
Чтоб эту каплю чистую дать.
Вот почему в этот час прощанья
Прошу я не клятвы, не обещанья:
Как лучший дар всех гор и морей,
Жду лишь одной слезинки твоей,
Чтоб каплей расплавленного металла
Она прямо в сердце мое упала,
И пусть останется жгучий шрам —
Врачам этот шрам залечить не дам.

ДУМАЛА Я, ЧТО ВСЕ РАССКАЗАЛА...

А я-то думала, мой любимый,
что все рассказала в стихах давно
Про нашу любовь: что в ней лучезарно,
что горько, что грозно, а что смешно,
Про радуги счастья, туманы разлуки,
про молнии лучших, жгучих минут,
Про светлые дни, что возносят в небо,
про злобные дни, что обидами бьют.

А я-то думала, мой любимый,
что все раздарила тебе давно:
И ласку, и радость, и смех, и слезы,
и спутанных снов цветное кино,
И даже забытые, тайные чувства,
что в море бессонниц добыла я,
Как старые клады ловцы добывают
со дна — с потонувшего корабля...
Но знаю теперь, что совсем немного
успела сказать я про нашу страсть,
Из мыслей и чувств, из лучших сокровищ
сумела отдать лишь малую часть,
Чем сердце щедрей, тем с годами богаче,
всех ласк и слез вовек не раздам,
Безумства любви исчерпать невозможно,
вот встретимся — убедишься сам.

И ПРИШЛА ГРОЗА

Ты ворвался в душу грозой весенней:
Закружились, тщетно ища спасенья,
Стаи листьев — чувств, помертвелых, слабых,
А подгнивший дуб повалился набок...

Много знала и раньше я бурь и ливней,
Но скучала, томилась все неизбывней
По грозе настоящей, грозе весенней,
Приносящей страданье и обновленье.

И пришла гроза... Стала плетью жгучей
Бурелом выметать из души дремучей,
Все былое, гнилое дробя нещадно,
Унося обломки потоком жадным...

Но такую грозу я ждала, как милость,
Чтоб душа воспрянула, обновилась,
Чтобы мерила самой чистой мерой,
Чтобы верила самой истой верой!

И теперь, не стыдясь, я признаюсь, милый:
Никогда, никого я так не любила!..
Ты пришел долгожданной грозой весенней,
Ты принес страданье и обновленье.

3.

КУВШИН ПЕЧАЛИ

ШАПКУ ЗАБЫЛ

На улице — вьюга... Сразу за дверью
Ты тонешь в пурге... Будто лапы зверя,
Взлетает и рушится снег густой...
Ладони вдогонку тебе бросая,
В одной рубашке ночной, босая,
Бегу по сугробам: «Вернись! Постой!..»

Лицо так и жжет мороз нестерпимый...
«Вернись!.. Ты шапку забыл, любимый!
Не простудись!..» — Но, как дикий смех,
Метель слова мои заглушает,
Метель следы твои разрушает,
И ты уплываешь в летящий снег.

Весна ковром цветным разостлалась,
А я все цветок отыскать пыталась,
Чтоб был похож на глаза твои...
Но нет! — все цветы казались чужими,
Осталась лишь боль да смутное имя,
Не сном ли был этот сон любви?

А где наши сны обитают, где?..
Но шапка висит и сейчас на гвозде.

Иду сквозь пургу

Иду сквозь пургу, шагать не могу:
Был горный проход — сугробами стал,
Иду, оставляя следы на снегу,
Всему на спасительный перевал.

Зайду, оглянусь: полыхает пурга,
Свистит, колесит, заметает пути,
И там, где ступала моя нога,
Уже ни следа теперь не найти.

Так пусть и тропинку в сердце твое
Пурга заметет, не оставив следа,
Чтоб следом за мною в сердце твое
Уже не пройти — никому, никогда.

ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ

Казалось, у любви — у лестницы моей —
Осталось множество еще ступенек-дней,
Но ты, как жадный вихрь, мой стыд и страх отверг,
Со мною на руках взбежал на самый верх.
Ступенек первых я не знала, не прошла,
Ступенек средних ощутить я не смогла,
А сразу вознеслась на высшую ступень,
То был ярчайший день, но и горчайший день.
Вскружилась голова, когда на острый пик
Со мной ты поднялся, вершин любви достиг...
И — сбросил через миг!.. И жгучею слезой,
Падучею звездой качусь во мрак пустой...
Ты сам вознес меня на высшую ступень
И сам во тьму столкнул!.. Был страшен этот день,
Но, падая с небес, успела я шепнуть:
«Благодарю тебя!.. С другой счастливей будь!..»

ТРОЕ

Как будто тесто на дрожжах,
глухая злость во мне растет
К той, что в пожизненном плену
тебя томит — не отдает.
Я мысленно ее в огонь
бросаю сотни раз на дню,
Но лишь свое же сердце жгу,
она же спрятана в броню —
В броню своих семейных прав,
в броню своих домашних дел,
Она — примерная жена,
чего ж еще ты захотел?
А захотел ты взмыть орлом
в мир буйных гроз и перемен —
Прочь из мещанского мирка,
постылых дрязг и жалких сцен!
Уже ты крылья развернул
и брешь прорвал в густой сети...
Но совесть — мрачный наш судья —
внезапно встала на пути:
Нельзя неблагодарным быть
к той, что из года в год верней
Тебе служила, дом вела,
растила крепких сыновей.
Ты в поединке сам с собой —
с душою, совестью, судьбой,
А я — я лишь страдать должна,
не вмешиваясь в этот бой.
Лишь тайной лаской я могу
в короткий час, в ночной тиши
Лечить ожоги и рубцы
израненной твоей души...
Не верю, что судьба слепа —
нет силы зорче и острей,

Не верю, что судьба глупа —
нет силы тоньше и хитрей.
Какой глумливою была
безжалостная сила зла,
Что не с моей твою тропу —
с чужой тропой ее сплела!

А Я ЕЩЕ ЖИВА...

Вчера узнала я, что ты порвал со мною,
А я еще жива — стараюсь быть живою,
Хоть думала сперва: не проживу и дня...
Но сплетницам не дам судачить про меня!
Хожу среди людей и даже улыбаюсь —
Казаться гордою, беспечною стараюсь
И так талантливо играю эту роль,
Что вряд ли кто-нибудь во мне заметит боль.
Но пусть еще звенит, еще упружит тело,
В нем сердце, как кувшин иссохший, опустело,
И пусть снаружи взор еще остер и смел,
Внутри он, как очаг потухший, почернел.
Лишь ты зажжешь очаг и влагой ключевою
Наполнишь мой кувшин...
Но ты порвал со мною...
А я? Еще жива?.. Иль навсегда мертва —
И лишь по прихоти чьего-то колдовства
Еще кажусь беспечной и живою?

Я СЕРДЦЕ ВЫЖИМАЛА

Я плакала — как дальше жить, не знала,
Я сердце беспощадно выжимала, —
Так тысячи веков в тоске-печали
Мильоны женщин до меня рыдали.
Так будут плакать и в веках грядущих
Мильоны женщин от обид гнетущих,
Когда любимый, овладев, остынет,
Когда жестокий, охладев, покинет...
Обняв мои трясущиеся плечи,
Подруга повела такие речи:
«Вот уж не думала, что чья-то подлость
Твою сумеет пересилить гордость!
Ты — знатная горянка, поэтесса,
Твои стихи не раз хвалила пресса,
Ты — сильная... И вижу я впервые,
Что плачешь ты, как женщины другие!..»
А я рыдала — сердце выжимала,
Дрожа, подруге доброй отвечала,
Подняв лицо — заплаканное, в пятнах:
«Знай, для любви нет знатных и незнатных,
Любовь равняет всех — и злых, и добрых,
Любовь сражает всех — святых и подлых...
Когда придет разлуки ветр осенний,
Где сердцу-лепестку найти спасенье?..»

А Я ВОТ ПРОСТИЛА ТЕБЯ...

От века у нас повелось в народе:
Когда в чью-то саклю горе приходит,
Хорош или плох человек, но всегда
Соседи помогут тому, с кем беда.
Сочувствуют искренне, а не для вида,

Прощают все старые ссоры, обиды:
Ведь перед лицом настоящей беды
Нет места для жалкой, мелкой вражды.
А я вот простила тебя, любимый,
Не в час твой мучительный, неумолимый,
Простила тебя в твой счастливый час
За жгучую боль, разлучившую нас:
Простила, когда, разговорчив, светел,
По улице шел ты — меня не заметил,
Простила твой радостный взгляд и смех,
Когда с другою ты шел при всех.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Ты стоишь предо мною, молчишь в смятенье,
От волненья ломаешь кепку в руках,
Потемнели глаза, в них недобрые тени —
Не былая удаль, а злость и страх.
Тяжело, если в сердце зарыта мина,
Неспроста этой ревностью ты томим,
И как будто явилась к тебе с повинной,
Опускаю глаза перед взором твоим,
Чтобы ты не увидел в них отраженье —
Горькой тайны не понял моей любви:
Перед кем я стояла вчера в смятенье
И не кепку ломала — пальцы свои.

РАЗВЕ Я ВИНОВАТА?..

Ах, мальчик ты мой, разве я виновата,
Что порознь наши сердца горят?
Ты в этих страданьях мне ближе брата,
В один мы попали безжалостный ад!
Тебе помогла бы, да где взять силы?
Ведь на перевале, в глубоком снегу,
Не только я плеть и седло уронила,
Коня упустила — сыскать не могу.
А был шелковистым он, быстроногим,
Любил крутизну, а не гладь полей...
Ах, мальчик, ты в жгучей моей тревоге
Не виноват, как и я — в твоей.

НЕ В СИЛАХ ПОМОЧЬ

Милый друг, никакого вымысла
Нет в жестокости этих строк:
На руках я тебя бы вынесла
Из огня, как сухой листок,
Но уж так судьбой предназначено,
Мы друг другу не в силах помочь, —
Ведь и я пожаром охвачена,
Жду спасения день и ночь...
То ли шутит судьба капризная —
Жизнь ломает мне и тебе,
То ли сами мы шутим с жизнью —
Понапрасну дерзим судьбе?..

БОЛЬЮ ДОБЫТОЕ

Говорят, в зарубежной медицине событие —
Разрекламированное открытие:
Женщины, рожая, не плачут более —
Весело смеются, не чувствуют боли.
Но я этой новости не желаю верить:
Счастье только болью можно измерить,
Не верю любви, в тоске не закаленной,
Не верю строке, без боли сотворенной.
Лишь то мы по праву любим и ценим,
Что в жизни добыли трудом и мученьем,
С болью мы рождаем все настоящее,
С болью провожаем счастье уходящее...

СЛЕЗА

И такое содержанье скрыто
В форме человеческой слезы!

Евг. Евтушенко

Подобна лишь на вид простой росинке,
Но сколько тайн в одной людской слезинке:
Поймет лишь тот, кто пережил страданье,
Какое в этой форме содержанье.
Комок в гортани, горький и колючий,
Становится внезапно влагой жгучей,
И вот сидишь и слез не вытираешь,
В отчаянье бессильном их роняешь.
Обида, боль, разлука, пораженье...
В одной слезе — всей жизни отраженье.
То не роса сочится сквозь ресницы —
От яда хочет грудь освободиться.
Не сможешь ни в одном лечебном средстве

Фазу Алиева

Найти спасенье от душевных бедствий,
Лишь слезы растворяют все мученья,
Лишь слезы нам дарują облегченье.

НА ВЗМОРЬЕ

Здесь ты сидел, задумчиво лаская
Мою от брызг соленую косу.
Под нами глыба, темная, крутая,
Качалась легкой лодкой на весу.
И море словно синий шелк стелило,
И чайки в блеск взмывали золотой...
...Сто, триста лет назад все это было?
Охрипли чайки... Злобно бьет прибой...
Лишь так же глыба подо мной крутая
Качается, как лодка на весу...
Одна сижу... И плачу, и терзаю
Мою от слез соленую косу.

МОРЕ НЕДАРОМ ЗОВЕТСЯ МОРЕМ

Море недаром зовется морем,
В море смешано счастье с горем,
Трещит корабль, ураган неистов,
Волны — как толпы ватерполистов:
С гребня на гребень корабль кидают,
Хохочут, ломают, пощады не знают
И тащат со смехом во тьму, в пучину
Красавицу — стройную бригантину...
Ах, милый, ты слишком похож на море —
К счастью зовешь, а приносишь горе,

И чувствую: тщетно противлюсь и спорю —
Что гибель суденышка гордому морю?
Ты будешь играть, ломать мои мачты,
Пока твоя страсть не закончит матча,
Тогда — уже не борясь, не ссорясь,
Уйду на дно — уйду в твою совесть...
А море? Беспечно, довольно собою,
Блестит, голубое, каймой прибоя,
И ждет, чтоб еще одну бригантину
Завлечь в лазурь, в ураган, в пучину.

Я ЗНАЛА, ЧТО МЕНЯ ПРЕДАШЬ ТЫ...

Я знала, что в руке твоей однажды
Блеснет кинжал и что меня предашь ты,
Но горным ледником вздымался ты.
А сердцу так хотелось высоты.

Я знала, что сразишь меня однажды
И все, что взял, обратно не отдашь ты,
Но был ты грозен, как прибой морской,
А сердце слиться жаждало с грозой.

Мечталось мне, как безрассудной птице,
На льдистый пик блестящий опуститься,
А после — пусть придется мне упасть
Во тьму, в ущелье, в каменную пасть.

Мечталось мне, как лодочке рыбачьей,
Хоть раз обняться с бурей настоящей,
А после — пусть в пучине потону,
Сломаюсь, захлебнусь, пойду ко дну.

Все было... На вершину вознеслась я.
И плавился ледник от жара счастья.
В объятья устремился грозных волн
Мой сумасбродный, мой непрочный челн.

Все было... И за это все — спасибо,
Ведь долго быть мы вместе не смогли бы;
Спасибо же за яркость тех минут,
Что душу до сих пор слепят и жгут.

За ужас и восторг твоей пучины,
За головокружительность вершины
Тебе прощу тот беспощадный миг,
Когда смертельный холод в грудь проник,

Когда внезапно твоего кинжала
Вошло в меня отравленное жало...
Ночь... Я одна... Горюю и горю,
И все-таки шепчу: «Благодарю!..»

КУВШИН ПЕЧАЛИ

Не клинки из-за туч сверкали —
Долго бился со взором взор,
А теперь свой кувшин печали
Я разбила о льдины гор.

Но лишь дерзко расхохоталась,
Опустелой душой зазвенев,
Долго эхо в ущельях металось,
Превратясь в тоскливый напев...
Этот смех — он страшней рыданий,
Кто безумье его поймет?
Мой кувшин любви и страданья —
Кто осколки его соберет,
Блеск и целость ему вернет?..

РАССТАВАНИЕ

То не коса ли оплела моя
Копыта резвой лошади твоей?..
Ты скачешь прочь — в далекие края,
И стук подков чем дальше, тем острей.
В глазах смешались небо и земля,
А тучи — с клочьями моей души...
Ты мчишься, иноходца веселя,
А я шепчу сквозь слезы: «Не спеши!
Крутой тропой гнедого не гони,
Постой, любимый, выслушай меня:
К вершинам рвешься, но в снегах они, —
Там будет нечем накормить коня».

ВЬЮЖНОЙ НОЧЬЮ

Грудь раскрыв, я бреду в морозном тумане,
Но не стынет, не чувствует струй ледяных
Грудь моя, что не знала наград желанней,
Чем ожоги от пламенных губ твоих.
Жжет мне душу, чертоги ее опустели,

Словно небо, лишенное лучшей звезды...
Пусть опять после долгой ночной метели
Хлынет утро из чаши горной гряды,
Всем посулам судьбы я отныне не верю,
Не взгляну на рассвет, что вдали блестит:
Ведь угасшей звезды — невозвратной потери —
Мне теперь даже солнце не возместит.

В ЗАСНЕЖЕННОМ ЛЕСУ

Тебя ни в чем я больше не виню,
Тебя ни в чем, любимый, не корю:
В лесу морозном я тоску свою
По искорке деревьям раздарю.

Ведь только здесь, в заснеженном лесу,
Впервые я так ясно поняла,
О чем вздыхает облетевший лист,
Когда земля кругом белым-бела.

Чуть слышный плач разносится над ней —
Певучих волн шопеновских грустней:
«Когда весной сверкала синева,
Как молода, горда была листва!..»

СКАЛА И ФИАЛКА

«Как быть? Как буду жить?» — я у скалы спросила,
Ее гранитный склон слезами оросила. —
«Как буду без него?..» Но холодна, хмурясь,
Взирала свысока безмолвная скала.
Вдруг, как ее ответ, из-за отвесной кручи
Надменно взмыл орел, бесстрастный и могучий.
И словно стала я беспомощней вдвое:
Одна — с отчаяньем своим наедине. —

«Как быть? Как буду жить?» — фиалку я спр
И грусть в ее глазах лиловых просквозила,
И дрогнул стебелек душистого цветка,
И пчелка легкая слетела с лепестка.
«Ты слышишь звон косы? — шепнула мне фиалка. —
К нам осень близится, и ей цветов не жалко,
Всему своя пора... Но жизнь всегда мудра:
Есть корни у тебя — вновь зацветешь, сестра!..»

Бесстрастно плыл орел, кружа по поднебесью,
Взирала на меня скала с холодной спесью,
А перед хрупкою фиалкой луговой
Колени преклонив, склонившись головой,
«Спасибо!..» — с тайною надеждой я шепнула,
И легче, радостней душа моя вздохнула...
Так мне в горчайший час не гордый взлет орла,
Не твердая скала — фиалка помогла!

е вз
едь уга
Мне теперь

екрет,
балконе,
алеких планет
называет,
нет уже много лет...
ы, наверно, мне показалось...
Разве в разгаре беспечных дней
Стала бы чьи-нибудь письма беречь я
в любимой шкатулке резной моей?
И разве хранить догадалась бы розу,
увядшую, высохшую давно?
Смешно было думать тогда об этом,
а вот сейчас — совсем не смешно...
Перестрадав непосильно и горько,
перешагнув через сорок лет,
Сама берегу на груди, в медальоне,
черную прядь — мой старый секрет,
А вечером звездным, встав на балконе,
зная, что ты не вернешься, нет,
Именем тихо твоим называю
одну из далеких-далеких планет.

СТИХИ О [illegible]

Я с первых стр[illegible]
Вам, люди, тольк[illegible]
Всем раздавала ра[illegible]
Всю боль пытаясь и[illegible]
Ярчайших красок ст[illegible]ла,
Бывала звонкой, щедр[illegible]ела.

Лишь об одном стихи мо[illegible]лчали —
Скрывали от людей мои печали:
Боялась я, чтоб от моих печалей
Слабее, злей, мрачнее вы не стали.
Но после долгих лет я ощутила:
Есть и в печали доброта и сила.

Да, не всегда жестокой и враждебной,
Печаль бывает мудрой и целебной,
И если в сердце вам вползет мученье,
Не радость принесет вам облегченье,
А те стихи, где от души делюсь я
Своей возвышенной и гордой грустью.

ЛЕГКИЙ ЗВУК

Не знаю, откуда, не знаю, чей
Голос донесся, как будто ручей
Смехом весенним залился вдруг,
Но хоть мимолетен был этот звук,
А душу пронзил... Словно чья-то зурна
От счастья заплакала, или струна
На старом пандуре оборвалась,
В последний, певучий стон превратясь.
Не знаю, откуда, не знаю, чей

Был этот зов... Но светлей, горячей
Небо и море стали вокруг,
Едва их коснулся тот легкий звук.
Как солнечный мед, с голубых высот
Надежда, надежда в меня течет —
Смывает осадок обиды былой,
Застывший в душе холодной золой...
Не вздох ли раскаянья твоего
Донесся, как радостное волшебство,
Чтоб снова два сильных, свежих крыла
Душа израненная обрела?

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Я томившие меня сугробы душные
Наконец-то разметала и разрушила,
Я оковы, мое сердце отягчавшие,
Превратила в паутинки легчайшие.
Я свинцовые мысли расплавила,
Ни крупинки печали не оставила,
Закричать себя заставила-потребовала:
«То был сон! А наяву такого не было!..»
Да, нужна была неженская силища,
Чтобы выйти из этого чистилища,
Да не сломленной выйти, а окрепшею,
Не ослепшею выйти, а прозревшею.

Но ведь цель-то была совсем несложною:
Воль-обиду одолеть невозможную,
Чтоб вернулась радость изначальная,
Чтоб с ума не сойти от отчаянья,
Чтоб взойти по тропинке гордости
Выше затхлого ущелья подлости —
Из обмана и плена прежнего
Как из ада выйти кромешного,
Чтобы зорче глядеть во все стороны:
В хищном вороне видеть ворона,
В мелкой мыши — жадность мышиную,
А в орле — красоту неустрашимую.

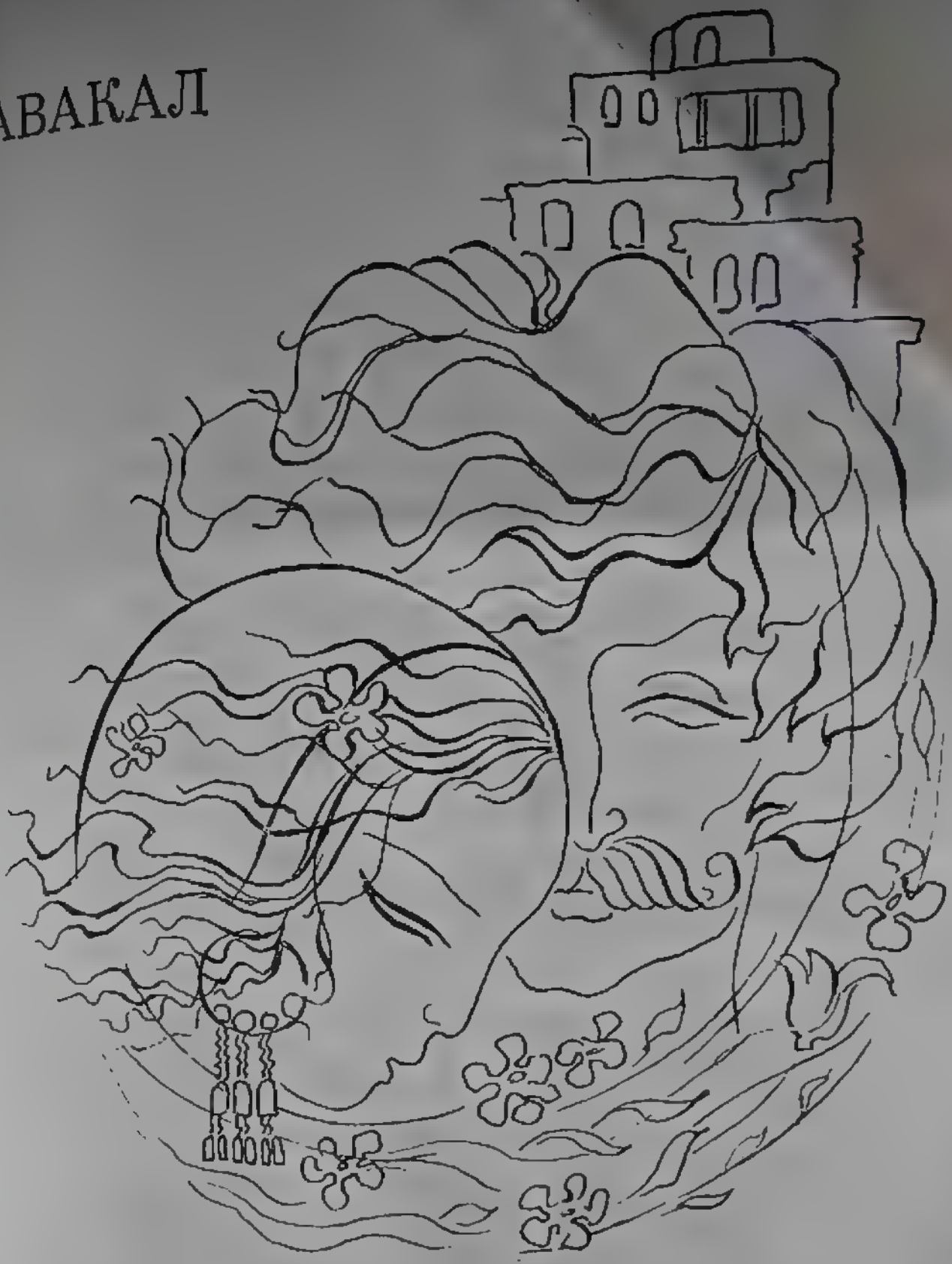
ЛАСТОЧКА

Ночной тоски раскаленные угли
стали к утру холодной золой,
Встаю как побитая — перед глазами
плывет равнодушье унылой мглой.
Схожу я со старых ступенек сакли,
иду по двору, бледна и грустна...
Вдруг легкая, звонкая тень взметнулась
с карниза каменного окна.
Ласточка, милая гостья, взлетела,
промчалась мимо меня стремглав,
Плеча моего лишь на миг коснулась,
мне что-то на ухо прощебетав,
Но было достаточно этого мига,
чтоб искорка с белой груди ее
Упала мне в сердце — и всколыхнула
души безрадостное забытье...
Ладонь к бровям козырьком приставив,
с волненьем гляжу щебетунье вслед,

И черной смолою в золото счастья
тает тоска, и ширится свет,
И я, за подол зари ухватившись,
качаюсь легко, качаюсь легко,
И с ласточкой в синюю даль надежды
лечу далеко, далеко, далеко...

4.

ТАВАКАЛ



ТАВАКАЛ

Есть в аварском языке короткое слово «тавакал». Кажется, нет ничего особого в звучании этого слова, но произносят его у нас нечасто, лишь в особых случаях, ибо оно означает трудное, но окончательное, бесповоротно принятое решение. Не знаю, есть ли подобное же слово у других народов, но в жизни моих соплеменников оно звучит порою сильней, чем любая клятва.

Ты хочешь знать, что значит «тавакал»?
Ну как тебе получше объяснить?..

Вот старый пахарь — горец седоусый
Весенним утром на ступеньке сакли
Сидит и смотрит, как яснеет небо
Над сизою грядой апрельских гор.
Сидит и смотрит, как ручьи бегут,
Как рыхлый склон оттаявший дымится,
Сидит — решает: не пришло ли время
Пахать да сеять — в поле выходить?
Днем раньше выйдешь — поморозишь всходы,

Днем позже — слишком высохнет земля...
Сомненьями, как буркою колючей,
Одето сердце пахаря... Взгляни-ка:
Вон на таких же каменных крылечках
Сидят такие ж горцы-землепашцы
И так же щурятся из-под папахи,
Лениво шутят, курят — но, как видно,
О том же самом думают они.
Как вдруг один из самых-самых старых,
В горах уж весен семьдесят видавший,
Встает и, руку твердо протянув,
Одно лишь слово строго произносит.
И сразу весь аул зашевелился:
Со всех дворов плуги выносят горцы,
Быков впрягают... Глянешь утром в поле —
Повсюду труд весенний начался.
И что потом бы ни произошло:
Внезапные ли заморозки грянут,
Губя росточки нежные, иль хлынут
Потоки с гор и смоют весь посев, —
Да, что бы ни случилось, все равно
Известно горцу, что в своем решенье
Раскаиваться он уже не вправе,
Раз было сказано об этом:
— Тавакал!..

Ты хочешь знать, что значит «тавакал»?
Порой судьбу решает это слово.

Вот в чьей-то сакле побывали сваты,
Ушли, теперь ответа будут ждать,
В круг собралась родня: любимой дочке
Подходит, не подходит ли жених?
Весь день решают — судят так и сяк,

Как будто не спеша весы качают,
Тревогой и волненьем — душной буркой
Одето сердце доброго отца.
Но тут один из самых-самых старых
Встает и, твердо руку протянув,
Одно лишь слово строго произносит,
И все встают, и дело решено.
И что потом бы ни случилось в жизни:
Смеяться будет дочка в мужнем доме
Или грустить, но о своем решенье
Отец и вся родня жалеть не вправе —
Ведь было сказано об этом:
— Тавакал!..

Ты хочешь знать, что значит «тавакал»?
Порой и смерть таится в этом слове.

Вот через зимний перевал собравшись,
В раздумье ходит горец по двору,
И, как под бурку — струйка ледяная,
Так в душу заползает тайный страх.
Но вдруг, остановясь и лоб нахмурив,
Одно лишь слово коротко и твердо
Себе он говорит... И ни минуты
Уже не ждет — идет седлать коня.
И что потом бы ни случилось с ним
На снежном, скользком, гиблом перевале —
С дороги сбившись, даже в пропасть рушась
Вдвоем с конем, жалеть не должен горец
О безрассудстве своего поступка, —
Ведь это сам сказал он:
— Тавакал!..

Ты хочешь знать, что значит «тавакал»?
Не только смерть — бессмертье в этом слове...

Вот перед обелиском я стою
Далеко от родимых наших гор:
На берегу голубоглазой Влтавы
Воздвигнут этот скромный обелиск.
Здесь юный горец, говорят, погиб,
Собой прикрыв фашистский пулемет,
И вдруг... и вдруг его живым я вижу —
Перед последним, яростным броском.
Вот он стоит, чуть наклонясь вперед,
Кинжалы-брови беспощадно сдвинув,
И — грудью падает на вражью амбразуру,
Успев чуть слышно крикнуть:
— Тавакал!..

ОСТРЕЙ Я СТАЛА РАЗЛИЧАТЬ...

Любовь и ненависть... Сильней и резче
Их чувствую теперь — с дня нашей встречи.
С тобой острей я стала различать:
С чем биться, что прощать, что защищать.
Да, наша нежность, радость, восхищенье
Вошли в меня, как пламя очищенья:
Любовь к добру теперь светлей вдвойне,
Зато грозней и ненависть во мне.

Фазу Алиева

К возвышенному пылкое стремленье —
Как снежный пик, где ни единой тени,
А к низменному ненависть черна —
Черна, как пропасть, где не видно дна!

НЕЗРИМАЯ СТРУНА

Я знаю: эта дивная струна,
Чьим сокровенным переливам внемлю,
Спускаясь с неба, с голубого дна,
Мне грудь пронзает и уходит в землю.
Вот почему, едва притронусь к ней,
Хорал струится с неба величавый,
Но и глубинный зов земли слышней
С ее скорбями, добротой и славой.
Всех радостей и мук прибой гудит,
В органный клич сливаясь воедино,
Гудит в моей взволнованной груди,
И в сердце будто рушится плотина,
И вот одна, в потоке этих чувств,
Меж небом и землей, на горных склонах,
Я плачу, я восторженно свечусь,
Я падаю на бархат трав зеленых
И так шепчу: «...Ты у меня одна,
Моя Отчизна, наша мать святая!
Всю жизнь твоя незримая струна
В груди моей звучит не умолкая.
Как радостно, что сердце пронзено
Твоею самой трепетной струною —
Одною многозвучною волною
С землей и небом соединено!
Вот почему всегда звучит оно —
То лучезарной синевой полно,

По гордою суровостью земною,
И от тебя ни слов, ни слез не скрою:
Какое счастье быть тебе родною —
Жить и дышать с тобою заодно!..»

* * *

Есть что-то в сердце у меня
Бездонней моря, гор безмолвнее,
Пестрей лугов, острей кремня,
Злей бурь, отчаяннее молнии.
Поспорю с демоном самим,
Взмывая ввысь... И все же накрепко
Я с миром сроднена земным,
Как семечко — с утробой яблока.

СОСЕДСКИЙ СЫН

Помню, соседский сын, чернобровый Омар
На фронт ушел добровольцем — в самый разгар
Жестоких боев. Сарай починить он хотел,
Но не успел. Крыльцо пристроить хотел,

Но не успел. Покрасить дверь собирался,
И этого не успел!.. Наверно, даже на фронте,
Аул вспоминая родной, грустил он порой, жалел,
Что не закончил этих домашних дел.
Зато, когда его взвод, атакуя фашистский дот,
Попал под обстрел,
Ринулся он вперед —
не успел попрощаться с жизнью,
Но сердцем своим заслонить Отчизну
Первый успел!

МЕНЯ ТЫ УЗНАЛА

Меня ты узнала, родная земля —
Ущелья, пещеры, источники, скалы,
Я — камешек твой, я — росинка твоя,
Я снова тропинку к тебе отыскала.
Как звонко и радостно дышится здесь,
Как смело вхожу я в объятья природы —
Босая, простая, такая, как есть,
Какою была в невозвратные годы.
Девчонкою здесь я росла озорной
И, в горном лесу заблудившись однажды,
Журчавшей под мхом родниковой струей
Сумела спастись от мучительной жажды.
А как-то, когда бушевать начала
Гроза, и ударила молния близко,
И тополь сухой повалила, зажгла,
Я лишь хохотала от радости риска.
Когда же, грозою зажженный, полез
Огонь через поле, с внезапною силой
Я бросилась пламени наперерез
И мокрою курткой его погасила.

Огонь погасила — скирду сберегла,
Колосья спасла от пожара, от пепла,
Чтоб чьи-то труды не сгорели дотла,
Чтоб радость земная не гибла, а крепла!
Меня ты узнала, родная земля,
Чьи травы и ветры знакомы и сладки,
Я так же, как в детстве далеком, твоя, —
От мокрых ступней до серебряной прядки.
Лишь глубже горжусь я твоей красотой —
Скалой, водопадом, тропинкою каждой,
И вместе с тобою пить ветер и зной
Сегодня готова с утроенной жаждой.
Но если гроза над тобой загремит,
И молния злая обрушится близко,
И поле зажжет, и клубами затмит
Полуденный блеск лучезарного диска,
Опять брошусь пламени наперерез,
Колосья спасу от пожара и пепла,
Чтоб жадный огонь на пшеницу не лез,
Чтоб радость земная не гибла, а крепла!

СТАРЫЙ ПАХАРЬ

Это ветра, прохладного ветра
донеслась нежданная нежность,
По широкой, спеющей ниве
разлилась желанная свежесть,
И колосья, звеня, закачались,
расшумелись в радости детской
И ресницами золотыми,
будто дразнятся, машут дерзко.
Сколько тайн пробужденной жизни
у пшеницы молочной спелости, —

Вплоть до жатвы надо колосьям
сохранить свои зерна в целости,
А среди этих тысяч колосьев
нет и пары в точности схожих,
И у всех — секреты и радости,
как у девочек-длинноножек...
Веет ветер, прохладный ветер,
донося желанную свежесть,
И звенят — отвечают колосья
на его нежданную нежность,
Чуют ласку деньков погожих
и дружнее, охотней зреют —
Верят в яркую правду солнца
и в добро лазурное верят.
А вот старый, почтенный пахарь
вдаль поглядывает в тревоге:
Что-то вдруг подернулись дымкой
синих гор крутые отроги,
Зорко смотрит из-под ладони,
а ладонь — как земля в морщинах,
Беспокоится о колосьях,
как о детках своих невинных:
«Эй вы, тучи, ненастные тучи,
не ползите угрюмым стадом,
Колосочков этих незрелых
не побейте жестоким градом.
Пусть в добро лазурное верят,
пусть играют в радости детской,
Пусть ресницами золотыми
машут весело, машут дерзко!..»

СЛЕТЕВШИЙ С НАШИХ ГОР

Слетевший с наших гор на верном скакуне,
Три года он провел на яростной войне,
Три года он мечтал — в грозе, грязи, огне —
О горной высоте, о горной тишине.
А ныне, бронзовый, но полный прежних сил,
Он твердо высится: он смог, он победил,
Отважный дух его в сердцах сынов горит,
А кровь гвоздиками блестит на гранях плит.
Светлы его глаза — сбылась его мечта:
Святая тишина по-горному чиста,
Хоть не в горах стоит, но с горной высоты,
По-горски гордые, глядят его черты.
Пилотка ли в снегу, ручьи ли с плеч спешат —
Чуть улыбается, чуть щурится солдат:
Он горной высоте посмертно возвращен,
Он горной тишиной посмертно награжден.

МАЛЬЧИШКИ СОРОК ПЕРВОГО

Мальчишки сорок первого... Когда-то
Я с детской завистью им вслед взирала,
Когда из школы шли они в солдаты —
Сражаться с тьмой, с бедою небывалой.
Еще их щеки не узнали бритвы,

Еще подруг не целовали губы,
А на полях великой, страшной битвы
Уже их судьбы смерть косила грубо.
Мальчишки сорок первого... Когда-то
От них я с фронта письма получала...
О первый плач! О первые утраты —
Путей к победе тяжкое начало!
Да, сколько не вернулось в наши сакли
И сколько спит в земле чужих селений...
Их кровь, их сила — до последней капли —
Всех самоцветов мира драгоценней!
Мальчишки сорок первого... Когда-то
Дразнила их, дружила я, играла...
Теперь стареют прежние ребята —
В медалях, в шрамах наши аксакалы.
Растет мальчишек новых поколенье —
Веселых, честных, боевых, хороших,
Но не по ним учу держать равненье
Я четырех сынов моих подросших.
Мальчишки сорок первого... Когда-то
Я их ждала — и ждать не перестала,
Хоть и блестят их имена и даты
На молчаливых гранях пьедестала.
И чудится, что вижу повторенье
Их строгих черт, святых, неповторимых,
Когда гляжу с надеждой и волненьем
На четырех сынов моих любимых.

БАЛЛАДА О СЫНОВНЕЙ КЛЯТВЕ

60-летию Ленинского
комсомола посвящается

Сейчас на орлином его лице
я чувства вижу
такие,
каких не увидит
ни командир,
ни сверстники боевые.
Средь юношей этих
в солдатских ремнях
и в новеньких гимнастерках
я вижу сейчас
только сына-бойца,
сияние глаз его зорких.
В толпе я стою
матерей и отцов,
таких непохожих, разных,
сюда прибывших
со всей страны
на воинский этот праздник,
сюда собравшихся,
чтоб взглянуть
родительскими глазами
на дорогих своих сыновей,
ставших теперь
бойцами.
Из длинной шеренги
выходят они
торжественными шагами
и, встав на колено,
клятву дают —
целуют Красное знамя.
Волненье растет...

Наступает черед
и нашему старшему сыну:
шагнул он —
как будто решил
взойти
на пламенную вершину.
Идет он,
подтянутый,
тонкий, прямой,
стройней тополька молодого,
глаза
из-под черных крыльев-бровей
глядят
горячо и сурово,
но слышу:
мальчишечье сердце
звенит,
как пенье призывного горна,
и кровь
по упругим жилам бежит
стремительней
речки горной.
Я чувствую:
яркие радуги слез
внезапно мой взор затянули,
и плачу беззвучно,
плачу легко,
как в детстве —
в родном ауле,
и, словно во сне,
вспоминается мне
насмешливый голос сестрицы:
«Смотрите,
у маленькой нашей Фазу
снова мокры ресницы!..»
Да, в детстве

нередко плакала я,
но не от обид,
не от горя, —
я с первых шагов
упрямой росла,
с обидой и горем споря,
а плакала я
лишь при виде красот —
природы красот несметных:
при виде
скал, водопадов, цветов,
орлов,
облаков рассветных.
Все реже
я плакать стала теперь,
а вот сегодня — плачу,
и этих чистых, счастливых слез
ни от кого не прячу:
смотрите, люди,
как он красив,
мой ченобровый воин,
и чести,
высокой чести какой
сегодня он удостоен.
Я знаю,
волнуешься ты, сынок,
но это совсем не стыдно,
шагаешь ты смело —
волненье свое
сумел побороть, как видно.
К склоненному знамени
ты идешь
чеканным солдатским шагом,
сейчас на колено
опустишься ты
пред этим багряным стягом.

Ты — горец,
а значит, и горд,
и тверд,
и полон бесстрашных стремлений,
я верю,
нет бури такой,
чтоб смогла
поставить тебя на колени,
но трижды встает
на колени джигит,
так прадеды нам велели:
встает перед матерью,
родником
и первенцем в колыбели.
Когда перед матерью,
то для того,
чтоб ей от души
поклониться,
когда перед маленьким родником —
чтоб чистой воды
напиться,
когда ж
перед первенцем дорогим
встает джигит на колени,
то для того,
чтоб взглянуть на него
в радостном восхищенье.
Знай же, мой сын:
этот красный стяг,
зовущий к высокой цели,
священен, как мать,
как родник в горах,
как первенец в колыбели.
Все лучшее,
что на планете есть,
слилось в этом алом цвете:

и маки в лугах,
и радость в глазах,
и горы на ясном рассвете!
Под этим рассветом
росла в горах
та девочка,
та черноглазка,
которую мамой зовешь ты
теперь
с такою заботой и лаской.
Под этим рассветом —
под флагом родным
победно-багряного цвета —
моя комсомольская юность
неслась,
цветет моя зрелость поэта.
Под этой зарей,
где сверкает звезда,
где молот и серп скрестились,
ты, сын мой,
и трое братьев твоих
играли,
росли,
учились.
Под этой зарей
скоро будет расти
и первенец твой веселый,
в свой мир пионерский
проворно взбежит
по звонким ступенькам школы...
Так встань
перед знаменем этим,
сын,
сурово и вдохновенно,
в служении верном
Отчизне клянясь,

пред ним преклони колено.
Пусть славой геройской
овеет тебя
пурпурное это знамя,
когда ты коснешься
его огня
сердцем — не только губами.
Ведь в знамени этом —
бессмертный призыв,
всемирной весны половодье,
из пламени гнева
оно родилось,
из жаркой мечты о свободе,
из крови
парижских павших борцов,
из их коммунарской песни,
из мужества
первых рабочих дружин
на баррикадах Пресни.
Всегда было знамя это,
мой сын,
бесстрашным,
правдивым и вольным:
оно полыхало
в дни Октября
над ленинским штабом
в Смольном,
взвивалось оно
над балтийской волной
и над конармейским галопом,
над взятым Царицыном,
Омском, Читой,
над прорванным Перекопом!
В те грозные дни
родился Комсомол
с отвагой его небывалой, —

ты знаешь,
мой сын:
шестьдесят с тех пор
громадных лет миновало,
но разве стареет
наш Комсомол,
пройдя шестьдесят ступеней?
В нем юность корчагинская
живет —
зовет молодых
в поход и в полет,
в сердцах полыхает
из года в год
бесстрашней и вдохновенней!..
Гляжу я сейчас
на тебя, мой сын,
и вижу с волненьем впервые,
как сделались вдруг
по-солдатски тверды
черты твои молодые.
Погоны бойца
на твоих плечах —
о них ты мечтал
еще в детстве,
и жгучей,
негаснущей искрой горит
значок комсомольский
на сердце.
Недаром похож
этот алый значок
на наше священное знамя,
пять букв огневых —
ВЛКСМ —
на нем золотятся лучами,
сверкает
Ленина острый взор.

летящий в простор коммунизма,
вглядись
в дорогие его черты —
весь путь героический
вспомнишь ты,
что пройден нашей Отчизной.
...Косынки ударниц,
песенный шквал,
сметающий все пережитки,
бетон Днепростроя
кладет молодежь,
возводит громады Магнитки,
и с каждым годом
смелей, дружней
навстречу трудам и бурям
шла наша юность, —
как в сказке живой,
вставал Комсомольск-на-Амуре.
И всюду:
над кровлями новых цехов,
домнами и корпусами,
над стройками шахт,
стадионов,
плотин
билось крылом наше знамя,
и всюду
трудился и пел Комсомол,
мужая, мечтая, споря...
...Но взвился
огненный смерч войны,
вздымаясь от моря до моря,
и сразу же
флаг нашей юности стал
как будто темней и суровей:
горящего цвета
сделался он —

цвета геройской крови.
Мальчишки,
сдававшие на ГТО,
смотревшие фильм интересный,
теперь
на фашистские танки ползли
и гибли
в твердыне Бреста...
Я девочкой
в дальнем ауле росла,
когда про войну услыхала,
когда по горам
пронеслась эта весть,
как тяжкий рокот обвала,
когда на рассвете
в военкомат
толпою пошли добровольцы:
седые рубаки
гражданских боев
и цвет наших гор —
комсомольцы.
...Я вижу сквозь слезы:
окружена
фашистскою сворой злою,
босая по снегу,
горда и пряма,
идет к эшафоту Зоя.
Я вижу:
с огнем комсомольским
в груди
на край меловых утесов
ползет,
чтобы сердцем страну заслонить,
боец Александр Матросов.
Все ярче
сквозь тучи коричневой тьмы

лучилось рассветное солнце,
светилось оно
на чеканных чертах
навек молодых краснодонцев.
Вот так,
презирая страданья и смерть,
не зная,
что значит усталость,
везде
среди первых
шагал Комсомол —
везде, где победа ковалась!
Победа ковалась
на передовой —
в окопах и танковых башнях,
и сколько сгорело
сердец молодых
в огне боев рукопашных!
Победа ковалась
в глубоком тылу
из гнева,
надежды,
металла,
и сколько трудилось
рук молодых
в бессонных цехах Урала!
Победа ковалась
на Малой земле,
где с коммунистами рядом
бойцы-комсомольцы
громили врагов
гранатой, штыком, снарядом,
где мир убедился
за двести дней,
гремевших от бомб и орудий,
на что

ради нашей священной земли
способны советские люди.
Ковалась победа
у волжских твердынь,
где в грудах бетона и стали
сражались герои,
и жарче огня
сердца молодые пылали.
Ковалась победа
на Курской дуге,
где в грохоте,
в вихрях пыли
шли тридцатьчетверки
и крепче брони
сердца комсомольские были...
Когда ты сегодня видишь,
мой сын,
как вымпел багряный
в награду
вручают чудесным осенним днем
студенческому стройотряду,
всегда вспоминай,
что таким же огнем
цвели боевые знамена
над братской Софией
победным днем,
над Прагой освобожденной!
Когда ты сегодня видишь,
мой сын,
как радостно реет знамя
над звонким трудом
комсомольских бригад
в Нуреке или на БАМе,
всегда вспоминай,
что этот же флаг
в порыве бессмертной отваги

на черепе
зверя фашистского
взмыл —
на взорванном;
черном рейхстаге!..
...Ты встал
перед знаменем этим, сын,
сурово и вдохновенно,
в служении верном
Отчизне клянясь,
ты преклонил колено,
в глубоком молчанье
за край приподнял
тяжелое, жаркое знамя,
и чувствую:
ты прикоснулся к нему
сердцем — не только губами.
Запомни
мгновение это,
мой сын,
на всю свою жизнь запомни,
с рожденья
мгновения ты не знал
торжественней и огромней,
ведь с этого мига
в тебе живет
победной зари частица —
геройской славе
родной страны
дано тебе причаститься!
Отныне
сколько бы ни ждало
тебя испытаний нелегких —
солдатских учений,
дождей, и вьюг,
и трудных путей далеких,

всегда вспоминай
этот пламенный миг
и воинскую присягу,
чье каждое слово
рождает в душе
упорство,
порыв и отвагу.
А если
все злее будет гроза,
страшнее
путь через пропасть
и закрадется
в сердце твое
хотя бы малейшая робость,
всегда вспоминай
этот солнечный день
и это пурпурное знамя —
и станет сердце в груди
сильней,
и станет цель впереди
видней —
сквозь бурю и гром
устремишься к ней
бесстрашными шагами!..
Лишь миг
перед знаменем
был ты склонен
и вот выпрямляешься снова,
глаза
из-под черных крыльев-бровей
глядят
горячо и сурово,
в шеренгу свою
возвращаешься ты
чеканным солдатским шагом,
а следом —

другой
солдат молодой
склоняется перед флагом.
Но я
на тебя одного гляжу
и чувства вижу такие,
каких не увидит
ни командир,
ни сверстники боевые,
я слышу:
сердце твое звенит,
как пенье победного горна,
и кровь
по упругим жилам бежит,
бурля
водопадом горным...
Ты клятву верности
дал, мой сын,
как прадеды нам велели, —
поклялся, как матери,
как роднику,
как первенцу в колыбели,
поклялся
прошлому нашей страны —
геройским трудам
и сраженьям,
поклялся
грядущему нашей страны —
ее небывалым свершеньям,
поклялся
во имя величья ее
и силы несокрушимой,
во имя
несметной ее красоты,
великой щедрости
и доброты,

во имя
космических взлетов мечты,
что в жизнь воплотить
должны мы,
поклялся
во имя могучих идей,
преображающих всю планету,
ленинских
непобедимых идей,
зовущих всех трудовых людей
к братству,
к заре справедливых дней,
к миру,
свободе,
свету!..
Стоишь ты
в шеренге друзей молодых
в новенькой гимнастерке,
по-горски красивы
твои черты,
глаза по-орлиному зорки,
погоны бойца
на твоих плечах,
на сердце
значок комсомольский, —
одним джигитом
больше теперь
в нашем советском войске!
А я
в толпе матерей и отцов,
таких непохожих, разных,
сюда прибывших
со всех концов
на воинский этот праздник,
гляжу,
гляжу на тебя, сынок,

и от волненья плачу,
и этих святых материнских слез
ни от кого не прячу.
И буду помнить
всегда-всегда —
вовек теперь не забуду
и даже
в мой самый последний час
с гордостью видеть буду:
солнечный полдень,
и на плацу
перед моими глазами
колено склонивший боец —
мой сын,
мой юный орел
с дагестанских вершин,
клятву дающий
Отчизне своей —
целующий
Красное
знамя.

5.

ВОСХОЖДЕНИЕ

(поэма)

ВОСХОЖДЕНИЕ

В далеком горном ауле Хунзах жил простой труженик, чабан Муртаза. У него было семеро сыновей. Муртаза учил их мирному труду, но началась война, и четверо старших, в том числе несовершеннолетний Арип, ушли на фронт. Трое из них воевали на польской земле, не зная, что находятся недалеко друг от друга. Двое погибли. Гамзат, защищая село Грушко в тяжелых, неравных боях. А Гаджияв погиб, защищая другое польское село, Дембаво. Оба брата похоронены на польской земле.

Когда падали яблоки

Что он означает — этот стук
падающих яблок?
Он ночами
бьет по сердцу моему.
Печалью
И тревогой полнит все вокруг.
Что он означает — этот стук?
Он, наверно, многое вмещает:

Крик паденья, жалобы прощаний,
Стоны расставаний и разлук.

Много значит этот стук ночной:
Прежде чем о землю разобьются,
Яблоки с ветвями расстаются,
Расстаются с яблоней родной.

Падают и падают они.
Все страшит их, все таит угрозу —
Стаи туч, дыхание мороза,
Молнии кинжальные огни.

Ночь стучит мне в сердце и в виски:
Стук! — и снова яблоко упало.
В ночь я выбегаю в чем попало
На крыльцо.
Гляжу из-под руки

В мир, который весь в тревоге замер,
В горы, что в печаль погружены,
Звезд глазницы полнятся слезами, —
Это слезы светят с вышины.

Я стою ознобно на ступенях,
Волосы рассыпав по плечам,
Чую, как вплывает постепенно
В душу мне высокая печаль.

Я как будто падаю во тьму,
Но с печалью этой возвышаюсь,
Тайны, неподвластные уму,
Сердцем и душою разрешаю.

Понимаю каждое мгновенье,
Все острее и точнее мысль...
О печаль — лекарство вдохновенья, —
Поднимай меня все круче ввысь!..

Ты одна умеешь брать за плечи,
Встряхивать от шелухи и лжи...
Сердце мне пред чистотою вечной
До кровотеченья обнажи.

Час торжеств с застольными речами,
Час веселья брошу на весы
И беру себе часы печали —
Мудрые и щедрые часы.

Не храню печаль свою в неволе,
Выпускаю на́ люди ее:
Это — мои мысли, мои боли,
Это — вдохновение мое.

Бубенцовый звон беспечных весен,
Взрывы смеха, шутки наугад, —
Час веселья — он не плодоносен,
Час печали — мыслями богат.

Не бегите, люди, от печали,
Не страшитесь грустных дум и слов,
Это не бубенчиков звучанье,
Это — вечный гул колоколов.

Под его широким всеохватом,
В мудрый час раздумной тишины,
Жизни атом, как и смерти атом,
Мыслью могут быть расщеплены.

Лишь одна печаль тебе поможет
Вдуматься, учуять, уловить
Тайную, таинственную, сложную
Жизнь и смерть связующую нить.

Жизнь неоднозначна. И бывает,
Смерть приходит, выбрав миг любой,

Смысл целой жизни убивает
И уносит этот смысл с собой.

Смерть — неоднозначна и капризна.
И бывает, выбрав миг любой,
Смерть не убивает смысла жизни,
А приносит этот смысл с собой,

Становясь началом восхожденья
К новой жизни и к иной судьбе,
Подчиняет даже миг рожденья
Не теченью жизни, а себе.

О такой вот смерти расскажу,
К двум могилам двух аварских братьев
Я вдвоем с печалью подхожу.
Ты, печаль, держи меня в объятьях,

Ты не уходи, ты мне нужна...
Все вокруг пусть склонится в печали.
Снова где-то яблоки упали.
Стук! Стук! Стук! — и снова тишина.

Я хочу, чтоб люди всей земли
В памяти своей хранили свято
Две могилы, где лежат два брата —
От аула отчего вдали.

Две могилы там, где днем играет
Кружевная лиственная тень,
Две могилы — возле двух окраин
Двух далеких польских деревень.

Образ их — единый, неразъятый,
Возникает у меня в глазах:
Образ Гаджиява и Гамзата
Из аула горского Хунзах.

Упади, печаль, слезой усталой,
Слово-пламя, вспыхни надо мной,
Обручайтесь, горы Дагестана,
Со свободной польской стороной.

Обручайся, тихий горный вечер,
С польскою зарей вступай в родство,
Обручайся, звук гортанной речи,
С польским словом, с шепотом его.

Обручайся по святому праву,
По закону дружбы в дни войны,
Героизм моей родной державы,
С героизмом дружеской страны.

* * *

Печаль моя, приди ко мне на помощь,
Найди слова, чтоб выливались в стих,
Который звал бы восхищенно помнить
Двух кровных братьев — земляков моих.

Сыны моей Аварии любимой,
Как ваша жизнь досадно коротка!
Но вы бессмертны и непобедимы,
Как годы, что вливаются в века,

Как тропки, что сбегаются в дорогу,
Как ручейки, текущие в реку,
Как скалы — части горного отрога,
Как слово, что становится в строку.

Ни одного слепого поворота
На протяженье всех недолгих дней,
Ни сбоя, ни одной фальшивой ноты —
В большую песню Родины своей.

Я расскажу о наших днях рожденья,
О первом шаге с отчего крыльца,
У этой песни будет продолженье,
Но никогда не сложится конца.

Вас, молодых, не знавших в жизни страха,
Вас будут славить песня и строка
В родном краю, под крышами Хунзаха,
И в Польше, у любого очага.

Я подхожу сейчас к могилам вашим,
Читаю буквы в бронзовом кругу:
«Живые — мы всегда в долгу у павших», —
А горцы не умеют быть в долгу.

Печаль моя, к тебе взываю снова:
Мне чувство долга предками дано,
Ты помоги найти такое слово,
Чтоб было долгу этому равно.

Такое слово, чтобы было равным
Всему, что испытать досталось им:
И маршалам, и генералам славным,
И — больше всех — солдатам рядовым.

Такое слово, чтоб вставало рядом
По мужеству и стойкости своей
С блокадными бойцами Ленинграда
И с жертвами освенцимских печей.

Такое слово, чтобы звать умело,
Сражаясь насмерть в боевом ряду
За дом родной, как за родное дело,
И за соседа, что попал в беду,

Чтоб, за четыре года все изведав,
Оно и вправду — всем смертям назло —

Девятым мая, Праздником Победы
Над всей страной, над всей землей взошло.

Склоняюсь над могилою Гамзата,
Держу цветок трепещущий в руке...
А ты не знаешь, что могила брата,
Родного брата — здесь, невдалеке.

И он не знает про твою могилу,
Про то, что рядом похоронен ты.
И расстоянье, что вас разделило,
Совсем нетрудно в полчаса пройти.

Но эти метры... — пусть их так немного —
Обычным меркам не подчинены.
В них уместилась страшная дорога,
Дорога-смерть, дорога всей войны.

Вам никогда не подойти друг к другу
И никогда слова те не прочесть,
Что на венках, сверкая полукругом,
Сегодня славят мужество и честь.

Но навсегда они должны остаться,
Они нужны, как корни для ветвей,
От вашей жизни мужеством питаться
Они научат наших сыновей.

Увидят наши дети, мирно строя
Свою судьбу, грядущее свое,
Что не легенда создает героев —
Герои сами создают ее.

Стою, Гамзат, над холмиком зеленым,
И кажется, что там, во тьме немой,
Не ты один, а двадцать миллионов,
С войны не возвратившихся домой.

Гамзата славлю, славлю Гаджиява,
Но мне слова особые нужны —
Во славу всех, кто победил. Во славу
И в память всех, кто не пришел с войны.

Спешу в Хунзах, где вы прощались с детством,
Откуда вы пошли громить врага.
У очага смогу душой согреться
И свой рассказ начну от очага.

...Ночь опустилась мягким покрывалом.
Вдоль кромки неба движется луна.
Стук! — снова где-то яблоко упало,
И снова я тревогою полна.

Здесь, в горном Хунзахе

Здесь, среди гор, где облака нежны,
Как шерсть ягненка,
Где на зорьке, рано,
Плывут в предгорьях белые туманы,
Как губы юных девушек — влажны;

Здесь, где почти что каждая скала
Ручей рождает, где гудят обвалы,
Где нет цветка, чтобы над ним пчела
Не колдовала и не ликовала;

Здесь, средь камней,
Где горсть земли ценней,
Чем золото,
Где из глухой низины
Ее несут в ладонях и корзинах,
Чтоб хлеб насущный вырастить на ней;

Здесь, где царит не власть кнута и денег,
Где свой закон и свой крестьянский суд,
Где счастье делят и несчастье делят,
Подставят плечи, выручат, спасут;

Здесь, где позорней всех людских пороков
Считают люди трусости порок,
Где труса обойдут другой дорогой,
Где труса не допустят на порог;

Здесь, где орлы в крутой небесной выси
Вьют гнезда,
Где с неведомой поры
Аулы наши древние повисли,
Как амулеты на груди горы;

Здесь, где ручьи щебечут беззаботно,
Где брызги волн чаруют и слепят,
Где над бездонной пропастью Цолботля
Сто тысяч лет грохочет водопад;

Здесь я могу и днями и ночами
Стоять в восторге, в радости, в слезах...
Здесь Родина моя, мое начало,
Здесь колыбель моя — аул Хунзах.

Не по богатству — серебру и злату, —
Не по одеждам ценят здесь людей,
Считается здесь прочным и богатым
Тот дом, в котором больше всех детей.

Ни звон оружья, ни каракуль пышный,
Ни блеск колец — ничто и ничего
Здесь в человеке не оценят выше,
Чем стойкость и достоинство его.

Здесь для любого недруга и друга
Такой девиз, такая притча есть:
«Отец твой храбр — в том не твоя заслуга,
А сын твой храбр — тебе хвала и честь!»

Был Муртаза и славен и богат,
Все горцы воздавали честь ему.

Имел чабан в дому бесценный клад:
Семь сыновей росли в его дому.

Рассказывают, дело было так:
Из дальнего аула в наш аул
Пришел однажды аксакал-кунак
И к Муртазе по дружбе заглянул.

У самой сакли бросил быстрый взгляд,
Сказал, прищурив хитрые глаза:
— Я вижу семерых твоих орлят,
Как их зовут, скажи мне, Муртаза?

Чабан, достойно голову подняв,
Ответил гостю:
— Вот они — все тут:
Сын Магомед, Гамзат и Гаджияв,
Арип, Сабу, Насу
И сын Махсут.

— Вах! Вах! — воскликнул гость. — Однако ты
Сегодня удивил меня, мой друг,
Я знал, что в пору посевной страды
Тебе нет равных пахарей вокруг.

Я знал, что если начался покос,
То за твоей косой хоть в зной, хоть в дождь
Ходи все сутки, тыча в землю нос,
И ни одной травинки не найдешь.

Я знал, что если ты сложил скирду,
То пусть все ливни выльются сюда,
Твое уменье отведет беду, —
Всегда сухой останется скирда.

Я знал, что если ты, ворвавшись в круг,
Начнешь плясать, то горы ходуном.

Я знал всегда, что ты, мой старый друг,
Слывешь средь горцев лучшим чабаном.

Но я не знал, что другу моему
Еще и память редкая дана:
Ты семь имен назвал по одному,
Сумев не перепутать имена.

Гость замолчал и обнял чабана,
В глазах блеснула радости слеза:
— Нет, ты не называл мне имена,
Ты песню спел мне, друг мой, Муртаза.

Как молотили зерно

Она уже прошла — весна надежды,
Когда шестнадцать рук мужских крошили
На маленькой делянке каждый камень,
Крошили так, что с фонарем в руках
Нельзя было найти комка земли
Величиной с горошину. Земля, как шерсть,
Стелилась мягко для посева.
Мужские руки с таинством особым
Земле предали хлебное зерно,
Тая надежду, что взойдет оно.
Тая надежду и лелея веру,
Что в эту долгожданную весну
Дождь будет — в меру, солнце будет — в меру
И ветер будет ласковым к зерну.

Прошло и лето — в страхе и тревоге:
А вдруг начнутся ливни и помнут
Созревшие могучие колосья,
А вдруг наступит зной и все иссушит,
А вдруг... а вдруг... да мало ль этих «вдруг»
Тревожат ум и сердце землепашца,
Пока ему приходит час дождаться
Плодов своих неустающих рук...

Пришел и день, в который — раз в году —
Сходилось пол-аула поглядеть,
Как Муртаза кладет снопы в скирду,
Свою науку оставляя детям.
Ведь горцев так учили с давних лет,
Чтоб все, что в жизни связано с землею,
Они умели делать расторопно,
Чтоб им под силу был тяжелый труд:
Какая б ни обрушилась беда,
Ты — горец, и в любое время года
Огонь ты должен выжать изо льда,
Из камня должен выжать хлеб и воду.
Не зря живет легенда в Дагестане
О том, что враг однажды захотел
Завоевать наш вольный горский край
И обратить свободных горцев в рабство.

Один наш воин в плен попал к врагу,
Я разъяснять легенду ту не стану:
Как сдался в плен джигит из Дагестана,
Я объяснить пока что не могу.

Не в этом суть сейчас, а суть в другом.
Допрос ему задумал учинить
Сам предводитель вражеских солдат.
— Скажи мне, велико ли ваше войско
И сколько пахарей, скажи мне, в войске том?
— Пятьсот, — ответил горец в тот же миг.
— А сколько в вашем войске чабанов?
— Пятьсот, — ответил пленник полководцу.
— А сколько в нем сапожников?
— Пятьсот.
— А сколько музыкантов и певцов?
— Пятьсот, — ответил снова пленный воин.
— Танцоров сколько?
— И танцоров тоже

Пятьсот, не меньше, — воин отвечал.
— А есть ли там у вас канатоходцы
И сколько их? —
Последний был вопрос.
— Пятьсот! — опять послышалось в ответ.
— О, велико ж, однако, ваше войско, —
Заметил побледневший полководец.
Не мог он знать и думать он не смел,
Что в войске том всего пятьсот отважных
Джигитов было,
Из которых каждый
Пахать, плясать, сапожничать умел...

Вот и сейчас счастливый Муртаза
Вернулся с гор в родной аул заняться
Домашними делами. Он идет,
За ним цепочкой — семь его сынов.
Старик молчит. Задумчиво считает
И смотрит, как лежат его снопы.
Старик молчит. Слов никаких не надо.
Лежат снопы. У каждого снопа
Один конец — тяжелые колосья,
Другой конец — обрезанные стебли
Соломы, и к тому же каждый сноп
По талии соломенным жгутом,
Как поясом, прилежно перетянут.
И вдруг укором вспыхнули глаза:
Был сноп один небрежно кем-то связан.
Повел суровым взглядом Муртаза,
И сыновья заговорили разом:
— О, этот сноп завязывал не я! —
Сказал Арип.
— И я его не трогал! —
Раздался твердый голос Гаджиява.
— Моя рука к нему не прикасалась! —
Вслед братьям заявил отцу Гамзат.

— Ну что ж, — отец заметил, — остается
Сказать, что этот сноп не вами связан.
Не вами... Видно, я его связал...
Вы посмотрите, что это за сноп,
Здесь словно колос с колосом подрался,
Соломинки враждуют меж собой,
Чтоб больше я таких снопов не видел. —
Тогда из братьев старший — Магомед,
Ни слова не сказав, рассыпал сноп
И вновь перевязал его надежно.

Отец измерил место для скирды
И, словно камень к камню, постепенно
Стал сноп к снопу укладывать в скирду.
— Машааллах! О, как бы нам не сглазить! —
Качали головами старики.
— Иголка меж снопами не пролезет,
Червяк сквозь ту скирду не проползет.
— В чем твой секрет, скажи нам, Муртаза?
Но Муртаза тех слов совсем не слышал.

Он словно что-то пел своим сынам,
И руки словно что-то подпевали.
О чем он пел? Со стороны едва ли
Поймешь по шевелящимся губам.

И вырастала под руками крепость,
Венчалась острым куполом скирда,
Края ее ровны настолько были,
Что, проведи по ним сейчас ладонью,
Подумаешь, что зеркало под ней.

И вот пришел тот день, когда аул
Собрался молотить весны надежду,
Тревогу лета — спелое зерно.
Сперва снопы свозили на гумно,

Потом — прошли секунды иль минуты —
Иной бы не успел воскликнуть «вах!»,
Как по всему гумну уже лежали
Рассыпанные бережно снопы.
И в доски молотильные впрягли
Большого белолобого быка.
О этот бык, он вырос из теленка
И долго был помощником семьи.
Неутомимый труженик, кормилец,
На этот раз, едва лишь сделал круг,
Упал... Наверно, подводила старость...
— Наш белолобый! — закричал Насу,
Потом Махсут испуганно захныкал,
Все взоры обратились вдруг к отцу —
К хозяину, к главе большой семьи.
И он сказал: — Что ж, сыновья мои,
Мужчине-горцу слезы не к лицу,
Не поднимайте попусту тревогу,
Отчаиваться нет у нас причин.
Один мужчина — это очень много,
А если восемь собралось мужчин,
То — раз!
И мы скалу взметнем на плечи,
Два! — передвинем горы без труда,
Три! — переменим русла рек и речек...
А тут — снопы... Подумаешь, беда.
Давайте перед всем аулом нашим
И мне в награду — буду очень рад —
Все вместе и покажем и докажем,
Что нет для нас препятствий и преград.
О, мы сейчас дадим такую встряску
Соломе, и полове, и зерну.
Как только хлопну, начинайте пляску,
Вовсю пляшите по всему гумну.
Вставайте-ка по возрасту и росту:
Сюда, сынок, а ты — сюда, сынок...

И вряд ли сила молотильных досок
Сильнее силы ваших резвых ног!..
— Вот это да! — обрадованно крикнул
Гамзат,
А он танцор заядлый был.
Мать — Айзанат — подругам признавалась,
Шутя, конечно: — Мой сынок Гамзат
Еще в утробе начал свои пляски,
Уж я-то знаю... —
И смеялись все.
— Он весь в отца! — подруги говорили.
— В отца, в отца! Ты помнишь, Айзанат,
Как Муртазу, влюбленного красавца,
Мы, девушки, разыгрывали... А?
— Как мне не помнить,
Коль вставал он рядом, —
Не понимая, к счастью иль к беде,
Я таяла под каждым его взглядом,
Как тает масло на сковороде...

— Ах, время мчится, — Айзанат вздохнула,
Ведь, кажется, все было лишь вчера.
Ан нет, как ни мудри, уходит юность,
Глядишь, и нарожала семерых...

Да, дело, вправду, было лишь недавно...
Влюбленный Муртаза не пропускал
Ни одного веселья или пляски,
А где ж ему, влюбленному джигиту,
Покрасоваться перед Айзанат
Своей фигурой стройной, и кинжалом
С насечкою глубокой, и еще
Тем поясом серебряным, что ловко
И туго опоясывал его.
На свадьбе друга своего однажды,
Под звуки барабана и зурны,

Позвали Муртазу включиться в танец.
А он не просто в танец выходил,
Он ловко возлетал на крышу сакли,
Оттуда по-орлиному, стремглав,
Бросался прямо в середину круга
И, крикнув: «Гарс!» — на цыпочках одних,
На пальцах — как бы делал круг почета.
И девушки шушукались вокруг.
Одна входила в круг, потом другая,
И заставляла Муртазу плясать,
И доводила до седьмого пота,
Потом вступала третья в круг,
Четвертая и пятая сменялись,
Сменялись зурначи, чтоб отдохнуть,
И даже барабанщики устало
Передавали палочки соседям,
Не прерывая музыку, однако,
Чтобы азартной пляски не прервать,
Мозоли появились на ладонях
У тех, кто хлопал в такт лихому танцу,
А Муртаза все продолжал плясать.
Стояла тихо Айзанат в сторонке
И, руку подперев под левым боком,
Концом платочка пол-лица прикрыв,
Взволнованно прикусывала губы.
Но затихало музыки звучанье,
И возмущался шумно Муртаза:
— Эй, музыканты, что ж вы замолчали?
Ведь я еще едва вошел в азарт! —
Так было раз, и два, и три... И скоро
За Муртазой средь горцев навсегда
Осталась слава лучшего танцора,
А слава не проходит без следа.

Танцуют на рассыпанных снопах
Семь сыновей, а он стучит в ладони,

Сплошная россыпь вымолотых зерен
Взлетает из-под ног... И только «вах!»
Доносится. Столпившись у ограды,
Не пряча восхищенья своего,
Соседи награждают добрым взглядом
И Муртазу и сыновей его.
И до сих пор в Хунзахе вспоминают,
Когда снопы привозят на гумно:

— А помните, как старый Муртаза
Здесь с сыновьями молотил зерно?..

Голубая песня

Небо почти что зеленого цвета
Повисло над миром. И вот
Звезды все ниже и ниже его опускают,
Может быть, даже под грузом их
Небо сейчас упадет.

Дремлет земля. И трава засыпает густая.
Здесь, среди гор и лугов,
Среди пастбищ, зеленых и щедрых,
Звездочкой светит один огонек
В полумраке ночном.

Это — чабан Муртаза у костра
Своих близких встречает.
Вот и котел закипел,
И сидят у огня семь сыновей Муртазы,
И сама Айзанат среди них.
Каждый, к груди прижимая
И гладя ладонями теплыми,
Держит ягненка.
И слушают все Муртазу:
— Я расскажу вам, сыны мои,
Слушайте, что означает для горцев

Вырастить в доме ягненка,
Ягненка хотя б одного...

Вырастить в доме ягненка
Уже означает —
Дом свой любить
И семью свою крепко любить.
В старой легенде о слабом
Ягненке-волшебнике
Так говорится:

«К крестьянину бедному
И многодетному
В саклю пришла нищета.
Все заняла она в доме
Под рваною крышей,
Важно расселась
И гнуть стала спину отца,
Матери бедной
В лицо набросала морщинок,
Хлеб отняла беспощадно
У малых детей.
Мрак все сгущался под крышей,
Пока вдруг однажды
Солнечный луч не шагнул
В обветшалое это жилье.
Добрый пришелец ягненка семье подарил.
О как лелеяли в доме нежданный подарок,
Только с ладоней кормили ягненка,
С ладоней поили его.
Вырос ягненок упрямым.
— Хочу этот угол занять я, — сказал он
И топнул ногою,
И из угла одного, испугавшись,
Трусливо ушла нищета.
А через год повзрослевший ягненок

Другого ягненка родил,
И из другого угла
Вышвырнул он нищету
И дите там свое усадил.
В третьем углу он сложил свою шерсть,
Что состригли,
Прочь нищета уползла
И из третьего — тоже — угла.
Мать для детишек связала из шерсти
Носки и рубашки,
Выткала яркий ковер
И в четвертом углу положила.
Стала в агонии биться
По дому всему нищета,
Влево — там мясо развешано,
Вправо —
Там запахи масла и сала
Пугают и гонят ее.
Стены коврами увешаны,
Пол весь устелен коврами,
Негде ногою ступить нищете, —
До чего довели...»

Так вот ушла нищета, убежала из дома,
И никогда уже больше она не входила в тот дом.
А победил ее маленький, храбрый ягненок,
Вскормленный лаской, заботой, теплом и трудом.

Как покупали коня

Надо признаться, что просто бродить по базарам,
Нет, не любил Муртаза. Но сегодня он шел на базар.
Шел он степенно, а рядом — и слева и справа —
Только два брата, два старшие сына его.

Все остальные, храня уважение к старшим,
Молча до площади самой тащились, слегка позади.
Шел Муртаза на базар по серьезному, важному
делу:
Шел он коня покупать. А коня покупать —
не пустяк.

Только к торговым рядам он приблизился, слышит:
— Эй, Муртаза, ты пришел себе выбрать коня?
Вот он, тот конь, я клянусь тебе — видит всевышний,
Нет в целом мире другого красавца, как этот
скакун у меня.

Год здесь проходишь, а все ж не отыщешь, я знаю,
Краше его, легкокрылей его и стройней.
Если по правде, так это не конь. Это знамя
Всех на земле самых лучших и стройных коней.

Тронь этот круп, он не кожей покрытый, а шелком,
Хвост посмотри, это ж солнечный сноп, а не хвост.
Гриву потрогай, гляди, ведь под ней, как под елкой,
Семь сыновей твоих спрячутся в полный свой рост...

— Папа, купи! — У Сабу загорелись глазенки.
Но Магомед в его сторону бросил свой взгляд:
Мол, не спеши и не лезь, ты здесь вовсе не старший,
Старших — четыре, и те не кричат, а молчат.

— Что же, — сказал Муртаза, — конь твой, верно,
хороший,
Но и других посмотрю я коней, ведь базар есть базар.
— О Муртаза, — кто-то рядом прихлопнул
в ладоши, —
Вот тебе конь, и других не ищи, Муртаза.

Ты подойди, а хвалить я не буду напрасно:
Грива, да хвост, да копыта... всего и не счесть.
Конь мой — «гора». А для горца для каждого ясно:
В ней и ручьи, и вершины, и скалы,
и гнезда орлиные есть.

Вот он — мой конь. Он вынослив в тяжелой дороге,
В самых крутых переходах ему и верста — не верста.
Чуткий, послушный. Я знаю, джигит самый строгий
Зря на него, как и я, не поднимет хлыста.
А уж о стройности — купишь, проверишь на деле:
Шаг — словно танец, прыжок — не прыжок, а полет.
Лес одолеет — листочка в лесу не заденет,
Меж разведенными пальцами
Мягко, как бархат, пройдет.

— Папа, купи! — малолетний Арип, замирая,
Дернул отца за рукав. — Он со звездочкой белой
на лбу...

— Знаешь, сынок, не по цвету коня выбирают,
Глянем еще вон того, что привязан к столбу.

Возле столба, нахлобучив лохматую шапку,
Сидя на камне, попыхивал трубкой старик.
Крепкий старик ни единым движением даже
Не проявил интереса к тому, что сказал Муртаза.

Только, когда Муртаза протянул ему руку
И обратил к нему слово привета, тогда
Крепкий старик поднялся и, ответив приветом,
Молча кивнул головой на стоящего рядом коня.

Конь был прекрасен. Но что-то щемящее было
В низко опущенной гриве и в грустных, тяжелых
глазах.

Старый хозяин, поднявшись, трубкой дымил,
Но разговор с Муртазою первым начать не хотел.
— Ты продаешь ли коня-то? — Старый хозяин
Этот вопрос и, помедлив, вымолвил слово свое:

— А для чего же пришел я? Не для показа, конечно.
Так уж случилось, что надо... надо коня продавать.
Слов говорить я не буду. Знающий дело хозяин
Не по словам покупает нужного в доме коня.

Вот он — мой конь! Я один лишь
Знаю, что в сердце творится,
Я, как предатель поганый,
Друга сейчас продаю...
Все ж мое слово такое:
Чтобы коня себе выбрать,
Надо не здесь торговаться,
Снять с него надо уздечку
И отпустить его в горы,
Там, где пасется табун.
Если в табун незнакомый
Конь прибежит и застынет
Рядом с конем, что зовется
Лучшим конем в табуне,
То покупай его смело.
Вот тебе конь и уздечка.
Как я сказал, так и делай, —
Вот тебе слово мое.
Вот мое слово. А кроме,
Тайны пустой не храня, —
Имя коня я открою:
«Молния» — имя коня.

«Молния», — голос услышав,
Конь встрепенулся, застыл,
К этому голосу ближе
Медленно переступил.

«Молнию» вывели в горы,
Сняли уздечку: «Иди!»
Где та преграда, которая
Сдержит ее впереди?

Сколько я книг ни читаю,
Всюду, где речь о коне, —
«Кони, как птицы, летают»,
Верь же, читатель, и мне.

Птицей взлетев над дорогой,
Скрылся из виду скакун
Там, где на склоне отлогом
Пасся хунзахский табун.

Люди спустились устало,
Смотрят, а чуть в стороне
«Молния» рядышком встала
С лучшим конем в табуне.

Выгнута шея крутая,
Кожа лоснится, как шелк...
Деньги сложив, не считая,
Старый хозяин ушел.

Шел, опираясь на палку,
Не замечал ничего,
Сразу сутулой и жалкой
Стала походка его...

Может, случалось и ранее
Видеть не раз Муртазе —

Люди коней выбирают,
Как выбирают друзей.

Ну а сегодня...
Наверно,
Он не придумал и сам
Лучшего в жизни примера
Всем семерым сыновьям,
Лучшего в жизни урока
Для любопытных парней,
Как проверяется строго
Дружба людей и коней...

Кто был родственником

Был вечер.
Крапал дождик чуть заметный.
Сидели всей семьей у очага.
И Муртаза рассказывал легенду
О храбреце,
Что победил врага.

«...И так он дрался.
Он умел сражаться
И с десятью, и даже с двадцатью.
Не только сам он —
Имя наводило
И страх и ужас на его врагов.
За голову его отдать готовы были
Любые деньги...
Взять живым,
Чтоб истязать с кровавым наслажденьем,
Хотели,
Да не выпал жребий им.

И вот однажды
Бой жестокий длился

Не день, не два,
А много дней подряд,
Все войско полегло на поле боя,
В живых остался только наш герой.

Враги вокруг него кольцо сомкнули,
Но, истекая кровью и хрипя,
Он выпустил в противника все пули...
Последнюю он выпустил в себя.

Уже ползут к погибшему герою
Солдаты вражьи... Радостно галдят...
Невесть откуда миллионным роем
Вдруг пчелы налетели на солдат,

Они кружили, жалили, жужжали,
Преследуя упавших на бегу...
Как будто тело друга было жаль им
Отдать на растерзание врагу.

Враги бежали с криками и визгом,
Поляна битвы снова замерла,
Но вот над нею опустились низко
Четыре быстрокрылые орла.

Спустились вниз, и, как мне говорили,
Они подняли тело от земли,
И, бережно держа его на крыльях,
По направленью к морю понесли.

И там, где Каспий катит свои волны,
За долгий путь, не отдохнув нигде,
Орлы спустились и под клекот скорбный
Героя тело предали воде».

За сыновьями скрыто наблюдая,
Отец легенду завершил свою:

— Вот так у нас слагаются преданья
О тех, кто храбро вел себя в бою...

Все семеро, отцу внимая немо,
Дослушали легенду до конца.
— А тот джигит нам родственником не был? —
Спросил Насу у смолкшего отца.

И Муртаза, моргнув лукаво старшим,
Сказал, Насу за кудри теребя:
— Он был, конечно, родственником нашим,
А значит, и твоим.
Ведь у тебя
Прапрапрапрапрапрадед был когда-то,
И брат двоюродный был у него.
А тот джигит был сыном того брата,
Прапрапрапрапрапрадеда того.

И все захохотали дружелюбно.
И время незаметно потекло,
И было в этой сакле многолюдной
В тот вечер по-особому тепло.

Как Муртаза ворота закрывал

В Хунзахе радость,
Ведь его нечасто
Своим приездом балует театр.
А Муртаза — меж всех — не просто рад,
Он счастлив, что сегодня первый раз
В родной аул с театром приезжает
Сын Гаджияв.
Уже о нем нет-нет,
А говорилось в городских газетах,
Что Гаджияв — талантливый актер.
По поводу такому
Муртаза

Спустился с гор
На сына посмотреть,
Да и артистов угостить на славу.
Не зря же он в аул с собой привез
Баранью тушу для таких гостей.
В колхозном клубе переполнен зал.
Или,
Как бы иной поэт сказал, —
Зал полон был,
Как туесок грибами,
Или —
Зал переполнен,
Как стручок бобами.
Минуты до начала
Детворе
Казались вечностью,
А старики степенно
Сидели возле самой авансцены,
И среди них, конечно, Муртаза.
Вот занавес упал.
И ахнул зал:
На сцене расстилался —
Так похоже
На их Хунзах —
Аул какой-то горный.
Луна вставала из-за тучи черной,
Дымок вился над крышею,
Над саклей,
Перекликался кто-то за рекой...
Но главное, что в этот миг в спектакле
Разыгрывался эпизод такой,
В котором Гаджияв по ходу пьесы
Предателя играл.
И Муртаза
Сначала долго протирал глаза,
Потом соседей стал толкать в бока,

Быть может, он ошибся и не прав,
Быть может, то — не сын, не Гаджияв?..
Но все же разуверить старика
Никто не мог...
И вправду, Гаджияв
Изменника играл.
И, закричав,
Вдруг Муртаза вскочил,
Что было сил
В кулак сжал пальцы:
— Нет, ты мне не сын!
Нет, я такого сына не растил!
Я не растил такого подлеца!
Нет у тебя ни братьев, ни отца!
И как его ни сдерживали,
Он
Шел меж рядов,
Разгневан и взбешен,
Одним движеньем сдвинутых бровей
Поднял сидящих в зале сыновей.
Его друзья, соседи, аульчане
Просили, ухватив за полу шубы...
Но он их просто растолкал плечами
И, задыхаясь,
Выбежал из клуба...
...А дома хлопотала Айзанат:
Варилось мясо,
Сытный аромат
Наполнил саклю.
Муртаза, вбежав,
Вдруг резанул, как лезвием ножа:
— Все это прочь! Не надо ничего.
Ты знаешь ли, вскормили мы кого?
Предателя вскормили мы с тобой.
Твой сын — предатель!
— Что ты, боже мой! —

Вскричала, вздрогнув, Айзанат,
И вдруг
Хлеб выпал из ее дрожащих рук.
Такого не бывало никогда,
Чтоб хлеб с земли не поднял Муртаза,
А в этот раз он словно бы ослеп,
Он не увидел оброненный хлеб...
Хлеб поднял Магомед.
Он, как велел обычай,
Взял хлеб в ладони
И, склонившись,
Трижды поцеловал,
Как бы прося прощенья
За то, что уронили,
А затем,
Коснувшись лбом,
Донес его до миски...
Айзанат,
Раскинув руки,
Причитала громко:
— О, кто бы мог подумать?
Кто бы мог?
О, горе! Нету больше моих сил!
О, вабабай!
За что же ты, сынок,
Без выстрела убить меня решил?!
— Он не предатель,
Не изменник, нет, —
Пытался вставить слово Магомед, —
Ведь он актер. Он просто роль играл... —
Тут Муртаза не выдержал опять:
— Ах, ты его берешься защищать?
Он опозорил седину мою,
Весь род наш древний, всю нашу семью...
Он роль играл? Он честь мою украл...
Позор и стыд! Позор ему! Позор!

Иди закрой ворота на запор,
Чтобы, пока я жив, ноги его
Не видел у порога своего... —
Теперь уже вмешался и Гамзат:
— Да успокойся, папа. Разве брат
Хоть в чем-нибудь пред нами виноват?
Предателя играть ведь должен кто-то.
Он роль играл. А роль — его работа.
— Молчи, Гамзат! Мы с матерью не дети,
Рассказывай старушкам басни эти.
Работа! Это что же за работа,
Чтоб изменять и предавать кого-то?!
Работа! А скажи мне, почему
Ее отдали именно ему?!
И вам не стыдно, вам — всем его братьям,
Что за измену брату деньги платят?
Иль хочет он дождаться от меня,
Чего Хабиб от матери дождался?
— Какой Хабиб, с каким еще Хабибом
Ты сравниваешь сына? —
Айзанат, заплакав, обессилев, села на пол.
— Какой Хабиб? — Заплакал и Махсут, —
Скажи нам, папа, кто такой Хабиб,
Чего он сделал и чего дождался?..

Немножко усмирился Муртаза
И тихо стал рассказывать Махсуту:
— Давно то было:
Жил такой Хабиб.
В бою он сдался в плен.
Не только сдался,
Но тайною предательской тропой
Врага он вывел
В тыл джигитам нашим...
Потом явился к матери домой,

Явился невредимый и живой,
Принес мешочек с золотом,
Тем самым,
Что за измену выдали ему.
Мать поняла.
Мать ковш золы взяла
И бросила в лицо родному сыну:
— Подлец!
Прочь с материнского крыльца!
Нет у тебя ни матери отныне,
Ни братьев, ни сестер и ни отца... —
Гонимый матерью
И ослепленный
Тем, брошенным в него,
Ковшом золы,
Он долго шел,
Плутал по горным склонам
И — в слепоте —
Сорвался со скалы.
А золото рассыпалось.
Оно
В реку скатилось
И ушло на дно.
И до сих пор
В том месте, где погиб
Предатель, трус
По имени Хабиб,
Прохожий бросит камень...
И в душе
Гнев ощутит.
И, — слышал я, — уже
Там выросла гора из тех камней.
«Гора презренья!» — говорят о ней.
У Магомеда был упрямый нрав,
И он сказал: — Нет, папа, ты не прав,
Подумай, ну при чем здесь Гаджияв?

Ты вытащил какой-то старый миф
И, брата с тем предателем сравнив,
Обидел Гаджиява...
Муртаза
Опять разбушевался, как гроза:
— Все! Хватит мне, чтоб в собственном дому
Я слышал оправдания ему —
Изменнику... —
Он выскочил во двор
И сам закрыл ворота на запор.
Стучался кто-то ночью,
Но старик
Впотьмах
К стеклу оконному приник
И не открыл ворота.
И вот — чуть свет —
Явился Арбулиев Магомед —
Почтенный человек... За ним — гурьбой
Актеры шли. Они вели с собой
И Гаджиява
И наперебой
Взялись за «воспитанье» чабана...
И хоть старик смирился
И жена
Накрыла стол, —
Сын Гаджияв извлек
Из всей этой истории урок,
Что даже и на сцене — подлецом
Не следует являться пред отцом.

Как падал снег

И выпал снег...
Он ранним утром зимним
Пришел. И выстроил сугробы он.
И тишь настала: отдави мизинец —
По всей земле услышишь легкий звон.

Искрится все, куда ни кинешь глазом —
Игра и блеск серебряных огней.
Хрустальную — размером в небо — вазу
Разбили над Аварией моей.

Гамзат из сакли выбежал,
С разбегу
Пошел плясать по снегу босиком,
Потом скатал себе комок из снега,
До пояса обтерся тем комком
И громко крикнул: — Молния! —
И сразу
Конь, как из сказки, у крыльца возник.
Повел по кругу неспокойным глазом,
Переступил шажком. И в тот же миг
Гамзат с крыльца — одним прыжком умелым,
Под собственный призывный крик «алле!»,
Взметнув свое стремительное тело,
Уже надежно высился в седле.
А конь стоял, перебирал копытом,
Как будто снег студил его и жег...
Все десять раз, как надлежит джигитам,
Свершил Гамзат свой утренний прыжок.
Ворвался в саклю,
Словно победитель,
Крича «ура!»
Под общий шум и смех:
— Эй, сони, сони, так вы все проспите.
А я уже увидел первый снег!
— Снег! Снег! — ребята закричали хором
И на крыльцо, на улицу скорей...
И вышла мать, и с изумленным взором
Остановилась около дверей.
Снег, белый снег лежал повсюду,
А рядом, в копошащемся кругу,
Ребята малолетнего Махсута

«Купали» полуголого в снегу.
— Ах, бабабай! Да что ж это такое?
Да вы же мне простудите его! —
Но вышел Муртаза. Сказал спокойно:
— Не надо волноваться. Ничего.
Он — парень. И ему нужна такая «проба».
Тут дело не дойдет до докторов.
Я вон всю жизнь в метелях да в сугробах,
А вот пока, как видишь, жив, здоров.
Потом он сыновей созвал поближе
И каждому по бугуну вручил:
— Теперь идите, расчищайте крыши
И делайте, как я уже учил.
Сперва к домам, где лишь одни старушки
Или где нет помощников-мужчин...
Идите! —
Сыновья ушли послушно,
А он укрылся шубой из овчин,
Сел на крыльцо
И, взглядом провожая
Тех, кто ему на свете ближе всех,
Все слушал,
Как — «хирт! хирт!» — под их ногами
Поскрипывает
Первый
Зимний
Снег.

Когда тают снега

Здесь вершины с солнцем
За руку здороваются,
И оно с землею здесь
Дружит, как нигде.
Первые приметы посылает солнце
По весенней, талой,

Бешеной воде.
Прыгают бурунчики
Вниз по склону белками,
Ледники шевелятся за горой.
Рвется шуба белая
На кусочки мелкие
На горе по имени
Акаро.
С каждым днем — неистовей
Водопад грохочущий,
По камням, по выступам
Пенно бьет прибой:
Что бы еще выискать,
Что бы уволочь еще,
Что бы еще выхватить,
Утащить с собой?

Только громче грохота
Рек и водопадов,
Яростней обвалов
С горной крутизны
Бьется сердце пылкое
Юного Гамзата,
Он стоит взволнованный
Посреди весны...
Ах, с какою радостью,
Ах, с какою нежностью
Улыбалась девушка
С белого крыльца...
Вздрагивала радуга —
С голубых подснежников —
У ее прекрасного,
Милого лица.
Все Гамзату видится,
Все Гамзату кажется,
Что его качнуло

На качелях дней,
Что плывет он в воздухе,
Что вот-вот скажется
На крыльце, на белом,
Рядом с ней,
С той, глаза которой
Неземное чудо,
С той, глаза которой
Говорить могли
Сколько, сколько скажут
Все стихи Махмуда,
Лирика Саади,
Плач Лейли...

Был Гамзат частицей
Буйного разлива,
Все в нем бушевало,
Все кипело в нем.
Не хватало только —
Чтобы быть счастливым —
Видеть ее утром,
Видеть ее вечером,
Видеть ее ночью,
Видеть днем.
Он в душе завидовал
Улочкам аула
И камням, касавшимся
Стройных ног.
Он платку завидовал,
Что на плечи смуглые
Мог ложиться мягко,
Обнимать их мог.

Ветру он завидовал,
Что касался платья,
Кувшину, прильнувшему

К теплому плечу,
С неба устремленному —
Тоже мог ласкать ее —
Солнечному, вольному,
Яркому лучу.

Он еще завидовал
Роднику зеркальному,
Потому что этот
Озорник родник
Мягко отражал в себе
Нежный, музыкальный
Девушки печальной
Светлый лик.

Вся земля так звонко
Пела и гудела,
Словно отдохнувшая
В зимнем сне,
И любви Гамзата
Не было предела,
Как предела не было
Молодой весне.
Никаких пределов,
Никакой преграды,
Никаких препятствий
Он не брал в расчет.
Хоть была преграда:
Оба старших брата
Голоса любви своей
Не слышали еще.

«Юная красавица,
Девушка-невеста
Иль моею будет,
Иль ничьей!»

О, любовь Гамзата —
Из такого теста,
Что идет для подвигов —
Не для калачей.

И решил пойти он
К роднику знакомому,
Где давно исхожено
Все вокруг...
Вот она — любимая,
Вот она — хорошая,
В стайке своих сверстниц
И подруг.

Им ли уж неведомо,
Им ли неизвестно,
Хоть секрет девичий
Они хранят,
Что давно Гамзатом
Выбрана невеста
И зовут невесту —
Ирайганат.

Вот Гамзат подходит,
Смущена невеста,
Взгляд отводит в сторону,
Голову клоня,
Не находит места,
Вся огнем пылает,
Хоть кальян прикуривай
От огня.

— Знай, моя любимая,
Знай, моя любимица,
Пусть земля разверзнется,
Небо рухнет пусть,
Пусть гора опустится,

Пропасть пусть поднимется, —
От любви своей же
Я не отступлюсь.

Если ты согласна,
Вот сейчас, не мешкая,
На руки возьму тебя,
Счастьем упоюсь...

— Что ты, что ты, милый, —
Заробела девушка,
Зашептала девушка:
— Я боюсь...

— Ты ли не осилила
И молву и страхи,
Ты ль не победила
Разную хулу?
И не ты ль та девушка,
Первая в Хунзахе,
Что ушла учиться
В Махачкалу?

И не ты ль ломала здесь
Все привычки темные?
И не ты ли первая
С вызовом в глазах,
С городской прической —
Косы несплетенные —
С головой открытой
Шла через Хунзах?

А сейчас робеешь ты...
В час, когда решается
Все в совместной нашей
Молодой судьбе...
— Нет, Гамзат, я слышала,

Мама сокрушается,
Будто бы не пара
Я тебе.

Будто я — ученая —
Слишком городская,
А хозяйству нужен
Глаз да глаз.
Будто я такая,
Будто я сякая, —
Не моя, а ваша
Мама против нас...

— Сколько же причин ты
Надумала со страху,
Все это разрушу я,
Сокрушу...
Или не мужчина я —
А ношу папаху,
Или не джигит я —
А усы ношу.
Все равно я, друг мой,
Отведу разлуку,
Выкраду ли ночью,
Унесу ли днем...
Дай мне твои губы,
Дай мне твои плечи,
Дай мне твою руку,
И — пойдем!

Когда шуба
уже скроена и сшита

А утром прибежала Патимат —
Соседка Муртазы, его родня:
— О, вабабай! Послушай, Айзанат,
Какой позор на вас и на меня,

От наших предков начиналась жизнь
На этих склонах — голых и пустых,
От них в горах и сакли поднялись,
И первые могилы — все от них,
От наших предков...

— Подожди, сестра,
К чему ты начинаешь разговор?
Чего решила с самого утра
Всех предков созывать ко мне во двор?

— О, Айзанат, язык не поверну...
Да где ж такое было, Айзанат?
Да разве можно, чтоб себе жену
Брал раньше старших братьев
Младший брат?

А твой Гамзат, зеленоспелый сын,
Взял девушку, сказал: — Ты мне жена! —
И в сельсовет пришел и упросил
Скрепить печатью... Вот тебе и на!

— Нет, Патимат, не верю, это — сон.
Не может мой Гамзат средь бела дня
Жениться вдруг. Нет, не посмел бы он
Так сделать без отца и без меня.

— Как хочешь, моя милая, не верь,
А все же таковы твои дела.
А все же рассуди, как быть теперь,
Ведь ты себе помощницу ждала.

А сын негодник в дом твой приведет
Ученую жену — Ирайганат.
Что она — в хлев тебе с утра пойдет
Коров доить, иль в огород, иль в сад?

Что толку от ее ученых книг
И от тетрадей в тысячу листов?
Что ты — картошку выкопаешь в них?
Иль хлеба соберешь на девять ртов?

А толку что с ее густой косы?..
Конечно, твой Гамзат и был бы рад
Рвать с нее гроздья, как их рвут с лозы...
Да не растет на косах виноград.
А что ты — на ее высоком лбу
Теперь отары вздумаешь пасти?..

— Зачем, сестра, ты мне клянешь судьбу
И сыплешь соль на раны из горсти?!
Зачем ты в этом сговоре детей
Как будто ищешь и мою вину?
Иль в тайне от тебя и от людей
Гамзату выбирала я жену?

И мог бы продолжаться без конца
Нелегкий этот женский разговор...

...Не поднимая хмурого лица,
Внезапно Муртаза вошел во двор.
И, так же хмуро головы склонив,
За ним послушно двигались вослед
Шесть сыновей — Насу, Сабу, Арип,
Махсут, и Гаджияв, и Магомед.

Метнулась к мужу Айзанат. За ней
И Патимат метнулась. Но на них
Он глазом не повел. А из сеней
Окинул взглядом сыновей своих,
И в комнату провел, и дверь закрыл.
И женщинам обеим знак такой
Весьма красноречиво говорил,
Что там, за дверью, разговор мужской.

— Ну, слышали про нашего Гамзата?
Стал жвачкой он в зубах людской молвы,
Судите брата, если виноват он, —
И я ему судья, и судьи вы.

Но сыновья молчали, рты закрыв,
Как будто бы огонь зажав губами.
Откроешь рот — раздастся в сакле взрыв,
Пожар начнется, забушует пламя...

— Я спрашиваю вас, мужчины вы
Иль не мужчины, чтоб не знать ответа?
И с резким поворотом головы
Он взгляд свой устремил на Магомеда:
— Ну, говори, прав иль не прав Гамзат
Во всей этой истории с невестой?
— Не знаю я, — ответил старший брат.
— Вах, ты не знаешь? На его бы месте
Ты вел себя, наверное, не так —
Любил, страдал, в бессоннице метался,
А сделать хоть один серьезный шаг
Ты не решился б иль не догадался.
И девушка твоя, любовь твоя,
Терзалась бы, от болтовни бежала,
И пересудов мерзкая змея
В нее свои нацеливала б жала.
А ты б все ждал и год, и два подряд,
Чтоб мама тебе свадьбу разрешила,
Или соседка — тетка Патимат
Твою судьбу несчастную решила?!

Тут Гаджияв вмешался наконец:
— Прав наш Гамзат. Он истинный мужчина!
— Пока что помолчи! — сказал отец. —
И кстати, а не ты ль всему причина,
Не ты ль случайно научил его?..

— Нет, папа, — Гаджияв пожал плечами, —
Я вообще не слышал ничего,
Пока мне не шепнули аульчане.

— Прав наш Гамзат!
Сто раз Гамзат наш прав! —
Воскликнул Муртаза и, быстрым шагом
По комнате притихшей зашагав,
Заговорил:
— Сестра любви — отвага!
И наш Гамзат с отвагою знаком.
Он поступил и честно и открыто,
Так поступил он, как велит закон,
Закон любви и верности джигита.
Уметь любить — одна лишь из наук,
А вот завоевать любовь любимой
И удержать, не выпустить из рук, —
Тут целых сто наук необходимо.

И если бы Гамзат — ваш брат, мой сын —
Вдруг поступил не так, а по-иному,
Я первый бы Гамзату не простил,
Назвал его не правым, а виновным.

Теперь Арип — смышленые глаза —
Спросил его: — А что же дальше, папа?
— А дальше, — засмеялся Муртаза, —
А дальше будет свадьба. —
Бросил на пол
Папаху
И, прихлопывая в лад,
Затанцевал, да так, что из-за двери
Вбежали Айзанат и Патимат
И замерли, глазам своим не веря.

— Ну вот, нашел с чего пускаться в пляс, —
Заговорила Патимат сердито. —

Чтоб показать, мол, шуба — в самый раз,
Коль уж она и скроена и сшита?!

Тут Муртаза вспылил:
— Не делай шуму.
Я сплетен твоих слушать не хочу!
Гамзату — жить! И сам он свою шубу
Кроил и шил по своему плечу.

— О, вабабай! — Ладони вверх вздымая,
Вскричала Айзанат.
— Кончайте крик! —
Обрезал Муртаза. —
Из «вабабая»
Ни плов не приготовишь, ни шашлык.

Готовьте свадьбу, да чтоб так, как надо,
Чтоб праздником наполнился мой дом,
А мы пойдем и приведем Гамзата,
Ну и невесту тоже приведем.

...А Патимат стоит, руками машет:
— О Айзанат, поверь моим словам —
Твой муженек противный эту кашу
Сам заварил... А обжигаться нам.

Она еще о чем-то причитала,
Корила и хулила Муртазу,
Но до мужчин хула не долетала —
Они уж были за горой, внизу.

Когда рано проснулась Роза

Ее —
Любви желанный плод —
Назвать решили
По имени красивого цветка:

Назвали Розой.
И теперь она
В суровом доме,
Где полно мужчин,
Все изменила с первого же дня.
Она здесь стала самым высшим словом,
Она с утра указы издавала:
Одним указом
За любовь и муки —
Она провозгласила на весь мир,
Что юная еще Ирайганат
Отныне награждается почетным
И самым благородным званьем —
Мать.
Вторым указом
Мир был возвещен,
Что сын Гамзат,
За то, что угадал
Ее желание — скорей родиться, —
Был удостоен звания отца.

Указом третьим —
Робкой Айзанат,
Простой и скромной женщине,
Родившей
И воспитавшей семерых сынов,
Давалось званье бабушки.

Затем
Указ четвертый был объявлен Розой.
В нем сообщалось,
Что простой чабан,
Крестьянин, хлебопашец
Муртаза
Отныне званьем деда наречен.

И наконец,
Указом пятым
Все
Шесть братьев,
В том числе и младший,
Еще несовершеннолетний брат —
Махсут, —
Все объявлялись дядями ее.

Ее в ладони брали с колыбели
Так бережно,
Как звездочку берут,
И лица всех улыбкой озарялись,
И нежным чувством полнились сердца,
Все будничное, ранящее душу
Прочь уходило.
Лишь она одна,
Беспомощная в малости своей,
Великая в своем перворожденье,
Все занимала.

Начинался день
Отныне в доме с песни колыбельной,
Их пела Айзанат. За жизнь свою,
За ночи, что бессонно провела
У колыбели сыновей своих,
Она их сочинила очень много.
Но были недопетыми они —
Те песни, потому что в них жила
Несбывшаяся матери мечта
О дочери, о девочке...
Теперь
Звучала песня, полная любви,
Любви спокойной,
Удовлетворенной:
«Ты посмотри, какая над тобой

Сегодня поднимается заря
И солнце предвещает миру ясность,
И не грешно ль тебе слезу ронять?
Тебе не плакать — радоваться надо.

Ты подрастешь, и бабушка тебе
Косички заплетет, а папа купит
Сверкающий комочек солнца — гребень,
Чтоб он над головой твоей сиял.

Расти быстрее, девочка моя,
Ты будешь словно бусинка коралла
Среди стекляшек, девочек других.
Расти быстрее, чтобы к роднику
С кувшином бегать, на лугу играть,
Теленком белолобым к речке прыгать.
Расти высокой, чтоб отцу
Почаще, чем другим отцам, пришлось
Тебе шелка на платье покупать.

Ты будешь самой лучшей мастерицей,
И лучше всех ты будешь вышивать
Узоры на платках,
И лучше всех
Ты будешь ткать ковры,
И хлеб ты будешь
Печь слаще всех,
Чтоб с корочкой румяной
И с добротой своею раздавать
Его всем людям, что придут к тебе.

За красоту, за ласковость твою
Тебя полюбят лучших сто джигитов.
И будет среди них один джигит,
Храбрее всех и мужественней всех,
Скромнее всех и дружелюбней всех,
Трезвее всех, решительнее всех,

И пусть его стальное сердце станет
Нежней и мягче лепестков фиалки,
Когда он, Роза, влюбится в тебя.
И пусть твое девичье сердце, Роза,
Так разобьется, чтобы он один
Сумел собрать его осколки,
И
Слепить их,
И держать в них, не гася,
Огонь любви своей.

И пусть еще
Отцу он твоему кинжал подарит
С насечкой,
Ну а бабушке твоей
Пускай подарит шелковый платок!..»
— Вах! — крикнул Муртаза, —
Ты слышишь, сын,
Какой у нас жених чудесный будет?!
— Да, — улыбнулся весело Гамзат, —
С таким-то зятем мы не пропадем...
— А мне, — вмешался маленький Махсут, —
Пускай коня подарит, я ведь дядя...
— Конечно же, всем дядям по коню,
И по седлу, и по кинжалу будет,
Иначе мы такому жениху
Откажем просто, — это в разговор
Ирайганат вступила.
В этот миг
Она с ладони на ладонь поспешно
Горячий перебрасывала хлеб,
Чтоб убедиться, что испекся он...

...Был мирный час.
Заре навстречу плавно
Дымы тянулись,

И туманы плыли,
И песня колыбельная лилась,
И хлебный аромат заполнил саклю,
Благоговейно тишина ласкала
Хлеба и травы.
Просыпались птицы,
Ягнята где-то блеяли печально...

Вдруг что-то встрепенулось в этот час —
Раздался цокот быстрый
Стремительных копыт,
И вдалеке
Отозвался табун на этот цокот
Тревожным ржаньем...
В этот час, когда
У колыбели девочки стояли
Мужчины — восемь человек, — когда
Они еще дослушивали песню,
Когда
Ирайганат пекла еще свой хлеб
И кипятила молоко, —
Заря,
Простреленная пулями, упала
Не над Хунзахом,
Не над Дагестаном,
А над границей Родины большой.

Из уст в уста, по сердцу ударяя,
Весть полетела от села к селу,
От крыши к крыше и от дома к дому —
Неугомонней закричала Роза...
Но этот крик не слышали мужчины,
Они уже бежали по ступеням
Высокой лестницы
И повторяли
Одно лишь — незнакомое ей слово:

«Война», «война», «война», «война»,
«Война».

Слов было мало

Слез было много
В ауле Хунзах в эти дни.
Слов было мало,
Ненужными стали они.
Женщины
Молча хлеба выпекали в дорогу,
Ружья мужчины снимали
В безмолвии строгом.
Молча коней снаряжали,
Здоровались в скорбном молчанье,
Не утешали словами пустыми себя
Аульчане.
Как утешать? И кому утешать?
Да и нечем.
Общее горе упало
На общие плечи.
Все потеряло свои имена
И названья,
Все заменили два слова —
«Война»
И еще «расставанье».
Так повелось,
Так сложилось, наверно, веками,
Что вечерами
Сходились здесь жители на годекане...
Где вы сегодня,
Беседы вечерние эти,
Мирные толки
О доме, о хлебе, о детях?..
Где вы, заботы
О пахоте, об урожае?
Все заменила забота одна —

Провожанье.
Проводы, сборы, прощанья —
Разлука надолго.
Все заслонил собой
Голос солдатского долга.

Матери все понимали,
О, как они все понимали,
Как они взрослых своих сыновей
Обнимали!

Могут,
Все могут во имя детей
Материнские руки,
Только не могут они
Обратить в бесконечность
Минуты разлуки.
«В сердце моем
Остаешься ты жить, как и прежде,
В доме же
Место твое уступаю надежде».

Матери все понимали,
О, как они все понимали,
Этих ребят
С колыбели они поднимали.
Первый шажок
Или первое слово и фраза,
Первые зубки
И первый синяк возле глаза...
Вот и прощанье!
Прощай, моя боль и кровинка,
Пусть тебе ратной защитницей
Каждая станет травинка.

Слезы из глаз выжимает
Не ветром, не дымом...

Это — другое прощанье,
Прощанье любимой
С любимым.
Только вчера —
Голова к голове на подушке,
Только вчера
И сердца их сливались, и души,
Губы сливались
В немой, целомудренной страсти,
Над изголовьем
Звезда восходила
Под именем «Счастье».
А и забот-то всего —
Как бы выглядеть чистой, нарядной,
Чтоб оставаться для милого
Долгую жизнь
Ненаглядной.
Как же приятны
Заботы вчерашние эти
Перед обвалом войны,
Что сегодня пришла на рассвете,
Ирайганат исходила слезами,
Тоскою:
«Если бы даже во сне
Я вчера увидала такое,
Я умерла бы от страха,
Но это — не снится...
Где я найду в себе силы
С любимым проститься?..»

Выплеснуть горе ее
Означало бы
Выплеснуть море,
Пропасть Цолботль
До краев бы заполнило горе.
Выплеснуть слезы,

Которые горло давили ей, —
Это
Значило б — выплеснуть росы,
Упавшие в землю за лето.
Вынуть бы сердце,
В котором стучится отчаянье...
Это прощанье —
Любимой с любимым
Прощанье.

Было и третье прощанье —
Взглядами лишь одними.
Это — прощанье отцов
С сыновьями родными.

Знал Муртаза, что ему
Лучший советчик — бесстрашье.
Обнял он по одному
Всех четверых своих старших,
Каждому глянул в глаза
Молча из-под ладони,
Знал о войне Муртаза
Больше, чем женщины в доме.

Знал он, что в этот миг
Важно, чтоб ни на мгновенье
Не поселились в них
Робость или сомненье.
Знал он, что в этот час,
В час рокового прощанья,
Взгляд его — это наказ,
Это и завещанье.
Словно за сыновей
Клеточкой каждой и нервом
Родине милой своей
Он присягал на верность.

Строг, молчалив и суров,
В старой чабанской папахе...
...Мало в те дни было слов,
Слез было много в Хунзахе.

Когда умножалось мужество

Мужество — это не мода,
Скорая, быстротечная,
Мужество — суть мужчины,
Прочная, долгая, вечная.

Если зернышко смелости
С почвой подружится,
Вызреет в пору спелости
Зернышко колосом мужества.

И Муртазе припомнилось,
Что не одно столетье
В землю его родословную
Сеялись зернышки эти.
Сеял и сам он долго,
Упрямо бросая в пашню
Зерна любви и долга,
Мужества и бесстрашья.
Если бы зерна эти —
Если б любовь к Отчизне
Не передал он детям,
Не было б смысла в жизни.

Он пожелал им только,
Чтоб до победной встречи
Тяжесть солдатской доли
Выдержали их плечи.

Он пожелал своим детям,
Даты еще не зная,

Фазу Алиева

Чтоб довелось им встретить
День Девятого мая.

Нет, он тогда не мыслил,
Нет, он еще не ведал,
Что миллионы жизней
Станут ценой Победы.

Слышало полпланеты
Танков немецких гул,
И становился аул
Фронтовым в то лето.

Мужеством, выдержкой, волей, трудом,
Духом противоборства
Полнился каждый аульский дом,
Каждое сердце горца.

Множилось мужество и в малышах,
И в матерях, и в дедах,
Каждый делал посильный шаг
В сторону нашей Победы.

Фронт забирал молодых,
А тыл —
Делался фронтом для старых.
Семь чабанов Муртаза заменил,
Соединив отары.

И Айзанат, сохранив с юных лет,
Пояс — шедевр ювелира —
И семиструнный витой браслет
Фронту она подарила.

Ей и пахать приходилось, и жать,
Впрягшись, вращать молотилку,

Ночью вязать, по утрам снаряжать
Детям — в окопы — посылку.

Ирайганат обучала ребят,
Верили дети и знали:
Красные воины победят!
Будет Победа за нами!

Все было фронтом. И скотный двор,
И школа, и ток колхозный.
Кажется, это с каких-то пор
Стала чувствовать Роза.

Если из школы придя среди дня,
Ирайганат вздыхает,
Роза не плачет: «Пусть от меня
Мама моя отдыхает».

Если ночами Ирайганат
Плачет в подушку, то — рядом —
Роза не плачет, как не понять,
Что маму тревожить не надо.

В эту годину смертельной грозы
Всюду был фронт и война.
Фронтом жила семья Муртазы,
И Дагестан,
И страна.

Без вести пропавший

Плакала осень над польской землей,
И печалью
Серое небо давило,
И кронами сосны качали,
Словно кричали
О том, что изранены корни войною,

И все же,
Все же стояли деревья
До спазм в каждой ветке, до дрожи
В каждом листочке,
Не падали вниз...
И солдаты не падали тоже.

Вот он стоит — мой земляк,
Улыбается грустно.
Знает, что мертвым он рухнет
Здесь, на окраине Грушко.
Выстоять надо,
Во что бы то ни было — надо,
Надо прикрыть
Отходящие силы отряда.
Раненых много,
А мертвым — в штыки не подняться.
Силы неравные:
Наших — один на пятнадцать...
Выстоять надо.
Он знает, что скоро погибнет.
Пусть же улыбка
Останется памятным гимном,
Гимном судьбе его —
Той, рядовой, незаметной,
Гимном всему,
Чем он жил, что любил беззаветно.
Он, за три года войны
Столько мытарств и бед испытавший,
Бывший средь многих,
Кто без вести звался пропавшим,
Он, через все потрясенья
Прошедший и честно и смело, —
Здесь, в партизанском отряде,
Нашел себе место и дело.
Что же сегодня улыбка его означала?

То, что далекое детство его
Еще не отзвучало,
К отчему крову улыбка его возвращала,
К отчему дому,
Где жизни лежало начало.
Как он умел улыбаться
Рассвету и утренней дымке,
Солнцу, ягненку
И каждой снежинке-дождинке,
Облаку,
Что на вершине горы ночевало...
Роза уже по улыбке
Его узнавать начинала.

Вот он стоит —
На экзамене долга и чести.
Вот он стоит —
Не один, а с той малою родиной
Вместе,
С той, где сейчас,
Разгулявшись, художница осень
Краски свои
По горам и долинам разносит,
С той, где по осени
Солнце слегка остывает,
Можно смотреть в него,
Глаз своих не закрывая...

Часто
В мальчишеских уличных играх
Спорили с шумом и криками
Дети:
Дольше, чем все,
На осеннее теплое солнце
Мог, не прищурившись
И не моргая, глядеть он.

Осень в горах —
Увядающих трав ароматы...
Как хорошо окунуться в них,
Руки раскинув:
Просто лежать и хмелеть
От ромашки и мяты,
От чебреца,
От душистых фиалок и тмина.

Осень в горах —
Огоньками шиповник играет,
Желтыми вспышками золота
Куст облепихи искрится...
Люди плоды эти осенью не собирали,
На зиму их оставляли
Зверятам и птицам.

Осень в горах —
В это время на белом крылечке
Стены увешаны,
Полки завалены,
Плотно набиты кадушки
Тушами мяса, косичками лука,
Слитками сыра овечьего,
И кукурузой, и кинзой,
Фасолью,
Укропом,
Петрушкой.

Осень в горах —
Мать на пасеке мед покупала,
Соты ломала на ломтики, —
Были ладони теплы —
И от тепла
Из ячеек тех сот проступала
Капелька меда
Прозрачной слезинкой пчелы...

Он стоял в полный рост,
Он стрелял и стрелял.
И вокруг
Грохотало, свистело...
Знал, что будет убит он.
Лишь вперед бы упасть,
Чтоб закрыть
По длине распростертого тела
И раскинутых рук —
Этой польской земли
Хоть какую-то часть...

В шаг последний вложил он
Весь гнев, и всю злость,
И напор, и азарт своей юности всей,
Чтоб отцу-чабану,
Там, в горах, не пришлось
Унизительно прятать
Глаза от друзей.

Чтобы мать не украдкой,
Не темной порой
К роднику выходила,
А средь белого дня
Шла в достойном спокойствии:
«Сын мой — герой,
Не могло быть
Иных сыновей у меня».

Чтоб жена его милая
Ирайганат
Не стыдилась замужества своего...
И шагнул он
Под выплески пуль и гранат,
И раскинулись
Мертвые руки его...

Он не знал, что вот здесь, где-то рядом,
Вчера
Иль сегодня,
Призывно над бруствером став,
Не успев сделать шага
И крикнуть «ура!» —
Так же руки раскинув,
Упал Гаджияв.

Он уже не увидит,
Как вспенится взрыв,
Как метнувший гранату
Во вражеский дот,
Здесь, на польской земле,
Если надо. Арип,
Как и старшие,
Грудью вперед упадет.

...Взлетом рук
В миг паденья
Вершину хунзахской горы
С этим польским селеньем
Гамзат обвенчал...

Гулким эхом
Далекой военной поры
Где-то падают яблоки
По ночам.

По обычаю гор

Я почитаю старые поверья,
Обычаи людей... В них мудрость есть.
Все звуки можно сосчитать в свирели,
Обычаев в горах не перечесть.

Есть и такой обычай, что, когда,
К аулу подъезжая,

Всадник конный
Услышит где-то звуки похоронной
Мелодии,
Он спешивается.
И, за поводья
Держа разгоряченного коня,
Папаху сняв,
До самого аула
Идет пешком,
Печально и сутуло,
В задумчивости голову склоня.

Такой обычай для того возник,
Чтоб человек сумел в минуты эти
Понять, как дорог в жизни каждый миг
Пред неизбежным приближеньем смерти...

...Осталась у околицы села
Колонна легковых автомобилей...
Я, спешившись, Гамзат, к тебе пришла,
К твоей по-польски прибранной могиле.

Хочу услышать голос твой живой,
Пусть говорят, что невозможно это.
Но я — поэт. Волшебен мир поэта!
Гамзат, поговори сейчас со мной.

Прости за то, что я — живая,
Чтоб душу утолить свою,
Тебя как будто вызываю
Ожить
И снова пасть в бою.

И вот я слышу голос знятный,
Я слышу, как звучит в ушах:
— Когда б воскрес я,

Я б стократно
Вновь повторил тот миг и шаг...

Бессмертный двадцатидвухлетний,
Не из журналов, не из книг
Хочу понять твой миг последний...
Каким он был — последний миг?
— О, я тот миг особо помню...
Он долгим,
Не мгновенным был.
Казалось, что он был наполнен
Всем, что я знал, ценил, любил.
Когда ударил залп жестокий,
Когда качнулся шар земной,
Я видел, как орел высокий
Крыла расправил надо мной.
Лишенный веса и опоры,
В душе — в себе, а не вовне, —
Увидел я отца, который
Рассказывал когда-то мне,
Что не орел над полем боя
Разводит плавные крыла,
А символ павшего героя,
Преображенного в орла...
Уже распластанный в траве,
Я видел: ласточка взлетела,
Ее стремительное тело
В осенней скрылось синеве.
Она взвилась легко и круто...
О, как я был безмерно рад,
Что ласточкою белогрудой
Я звал свою Ирайганат.

И все ж под грустным небом Польши,
На рубеже последних дней,

Светил и глубже всех, и дольше
Мне облик матери моей.

Она явилась молодою,
Она безвозрастной была.
И запахом ее ладоней
Был запах хлеба и тепла.
Тот запах, что щекочет ноздри,
Что не вместим в предел времен,
Он и уходит самым поздним,
И раньше всех приходит он.
И облик матери, и образ
Уже в предсмертной мгле
Вливался в смысл и символ добрый
Всего, что суще на земле.
Вливался в лик родной державы,
Чьи опаленные черты
В жестоком пламени пожаров
Не утеряли доброты.

В одном селе, я помню, фрицы
Терзали девочку одну.
Во мне той сцене не забыться,
Умру, погибну иль усну.

Ребенка медленно пытали
Садистской медленностью той,
Как будто раны выжигали
На всем, что звал я добротой.
Душа во мне взрывалась гневом,
Свинцом ладони налиты...
И я стрелял! —

Безмолвно-немо.
Стрелял! — во имя доброты.
Стрелял! — во имя жизни вечной

На той, на Акаро-горе,
Во имя той, пятиконечной
Звезды,
Что видел в букваре,
Той,
Что я — рано или поздно —
Мечтал увидеть у Кремля...

...Прощай, мой мир,
Прощайте, звезды,
Прощай, любимая земля!

— Не осуди меня, мой милый
Солдат-земляк,
Не осуди
За то, что я разбередила
Былую боль в твоей груди.
Мы знали, что Победа будет,
Она придет в один из дней,
И, зная о Победе,
Люди
Должны и цену помнить ей.
«Прощай, земля!..» —
А вся природа,
Все голоса,
Вся жизнь земли
Твердят:
«Из памяти народа,
Как из земли, — вы не ушли».
Горел свинец в пожаре грозном,
Но, льясь к грядущим временам,
В огне том отливалась бронза
Для вечных памятников вам.

Прошу вас, люди,
И родных, и близких,

Знакомых мне
И незнакомых мне, —
Увидев рядом контур обелиска,
Руль иль коня оставьте в стороне
И, спешившись,
Пройдите эти метры.
Наедине, в молчанье, не спеша,
Услышите вы, как гудит бессмертье,
Как снова ваша ощутит душа
Дыхание печали той высокой,
Которая полна мечтой одной,
Чтоб яблоки не падали до срока,
Не потрясали стуком шар земной.

СОДЕРЖАНИЕ

Так живу. Пер. С. Северцева 3

1. ГЛАЗА ДОБРА

Негасимое 6
В родном ауле 6
И вновь заря 8
Среди надгробий 8
Жду, словно чуда... 9
Людям 10
Я 10
На закате 11
«Я против матриархата...» 11
Очищение 12
Ты — мой утёс 12
Распутай струны... 13
Ты долго женщину ждал... 14
Опять пришла к тебе 15
Наедине с вершиной 15
Глаза добра 16
Ничто нам даром не обходится 17
Корни 18
Кого любит земля 18
«Не мешайте мне сегодня, небеса..» 19
Женщина — это не чаша... 20
Каждый любящий — Прометей 21
Не только добру 22
Моя усмешка 23
Честность 24
Орел в зоопарке. 24
Добрый дом 26
Сдаваться не смей 26
Слово об ореховом дереве 28
Поэзия 29
Читателям моим 30
Есть что-то от грозы во мне 31

2. ОКРЫЛЕННОСТЬ

Мне 34
Окрыленность 34
Открытие мое 35
Только ты! 35
Любви не учат 37
Буйствует сердце 38
Иду в ночи 38
Все казалось невозможным 39
Ладони твои воспеваю 40
На этой улице 41
Какая заря! 42
Ветер судьбы 42
Последняя капля 43
«Любимый, дари мне порой тишину...» 43
Не злись 44
Твое упрямое лицо 45
Слеза на ладони 46
Да, ты ревнив... 46

Тихонько плачу 47
Из-за тебя 48
Они и мы 48
Перед зеркалом 49
В шторме твоем 50
Мои безумья 50
Мне хотелось не сгибаться... 51
Даже смерть 52
Когда я молчу... 52
Гоню я тебя из души.... 53
В час прощанья 54
Думала я, что все рассказала... 54
И пришла гроза 55

3. КУВШИН ПЕЧАЛИ

Шапку забыл 58
Иду сквозь пургу 59
Последняя ступень 59
Трое 60
А я еще жива... 61
Я сердце выжимала 62
А я вот простила тебя... 62
Две встречи 63
Разве я виновата?.. 64
Не в силах помочь 64
Болью добытое 65
Слеза 65
На взморье 66
Море недаром зовется морем 66
Я знала, что меня предашь ты... 67
Кувшин печали 68
Расставание 69
Вьюжной ночью 69
В заснеженном лесу 70
Скала и фиалка 71
Смешным бы казалось... 72
Стихи о печали 73
Легкий звук 73
Возрождение 74
Ласточка 75

4. ТАВАКАЛ

Тавакал 78
Острей я стала различать... 81
Незримая струна 82
«Есть что-то в сердце у меня...» 83
Соседский сын 83
Меня ты узнала 84
Старый пахарь 85
Слетевший с наших гор 87
Мальчишки сорок первого 87
Баллада о сыновней клятве 89

5. ВОСХОЖДЕНИЕ (п о э м а). Перевод Вл. Туркина . 105

Алиева Ф.
А50 Глаза добра: Стихи и поэма /Пер. с авар. В. Туркина, С. Северцева. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 175 с., ил.
80 к., 50 000 экз.

Новая книга народной поэтессы Дагестана обращена к молодым читателям. В нее вошли лирические стихотворения последних лет, стихи о комсомоле, а также поэма «Восхождение», посвященная интернациональному подвигу воинов Советской Армии.

А $\frac{4702000000--003}{078(02)-83}$ 178—83

ББК 84 Даг
С(Даг)

ИБ № 3094

Фазу Алиева

ГЛАЗА ДОБРА

Редактор **Вад. Кузнецов**
Художник **М. Худатов**
Художественный редактор **С. Сахарова**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректоры **Н. Мейланд, Н. Самойлова**

Сдано в набор 21.07.81. Подписано в печать 15.12.82. А13357. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 50 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 1081.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

80 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ